САЛАВАТ ВАХИТОВ

«СТРАСТИ ПО БОРХЕСУ» И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА

Салават Вахитов

«Страсти по Борхесу» и другие истории. Современная проза

«Издательские решения»

Вахитов С.

«Страсти по Борхесу» и другие истории. Современная проза / С. Вахитов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836045-9

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.В новом издании автора представлены избранные повести и рассказы, ранее входившие в книги «Пушкин 37-го года» и «Хорошие люди», а также истории, написанные совсем недавно — «Страсти по Борхесу», «Секретик», «Шалбан» и другие.Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-836045-9

© Вахитов С.

© Издательские решения

Содержание

Девятый день 6
Не бросайте шляпу на кровать, или Страсти по Борхесу 9
Разорванное сердце Адель 14
Конец ознакомительного фрагмента. 37

«Страсти по Борхесу» и другие истории
Современная проза
Салават Вахитов

© Салават Вахитов, 2016

ISBN 978-5-4483-6045-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Девятый день

Юноше красную розу дала чрез решетку невеста:

Два запылали костра, плавя железный закон
Вяч. Иванов

1

Проснулся и зачем-то побрил гнусного мужика в зеркале. Это точно не мое отражение! Я большой, красивый и сильный. А этот – раздавленный жизнью подонок.

– Вчерашнего дня не было, – решил я. – И позавчерашнего. Не было прошлой недели. Или даже двух. С-сука! Сколько же ты выпил?!

2

И тут я вспомнил: сегодня девятый день, как ко мне прикоснулось одиночество. Приложилось ласковым апперкотом и отправило в глубокий нокаут. Слышал только в забытьи, как рефери ведет отсчет: «Один, два, три, четыре…» А потом меня вынесли с ринга.

3

Зачем я пошел за ней? Глупцы говорили, что это злой ветер сыграл со мной шутку: гоняясь за кружащими снежинками, швырнул мне в лицо феромоны спешащей мимо девушки, и я вдруг пошел за ней следом. Без всякой задней мысли. Без всякой надежды. Так ведут себя бродячие собаки, когда ищут новых хозяев.

Я нагнал ее в небольшом сквере возле гранитного Дзержинского, гордо вставшего задом к «Родине». Девушка неожиданно обернулась, почувствовав преследование, и я почти столкнулся с ней лоб в лоб и… захлебнулся в потоке нахлынувших чувств.

4

Я жил рядом, на Чернышевского, и в тот январский вечер осмелился пригласить незнакомку к себе. Она пришла с мороза раскрасневшаяся, и я понял, что вернулись времена Паоло и Франчески и сегодня мне будет можно все. И мы пили пиво, но тогда оно не казалось мутно-желтым пойлом – оно было янтарным и играло в неярком свете бра, пока я неосторожным движением не опрокинул жидкость ей на платье.

– Ничего страшного, – сказала она в ответ на мой виноватый и смущенный взгляд, – но платье придется снять…

Я совсем не помню подробностей последовавших сцен. Помню только, что, когда ночью вышел ее провожать, вдруг осознал, что впервые в жизни сумел сделать женщину счастливой. Да, она была необыкновенно счастлива и светилась хрупкой звездочкой на морозном небе.

5

Мы стали встречаться, а вскоре я и дня не мог прожить без нее. Девушку звали Оля. Хотите, опишу ее? А как можно описать красоту? Красоту надо видеть, вдыхать чувствовать! Чем она отличалась? Она курила. Но как только я сказал, что мне не нравится запах сигарет, заглушающий аромат ее волос, – сразу же бросила. Так могут поступать только любящие женщины. С чем ее сравнить? Конечно, с музыкой! Легкой, стремительной, романтичной!

А теперь о грустном: она была замужем и воспитывала пятилетнюю девочку.

6

– Я гадкая женщина, – сказала она однажды.

– Почему?

– Потому что ночью я сплю с мужем, и он меня берет, а утром бегу к тебе и целуюсь с тобой. Противно, правда?

Я промолчал. Мне было неприятно. Но она была всего лишь любовницей и имела право на частную жизнь.

– А кто у нас муж?

– Полковник ФСБ и боксер.

– Есть проблемы?

– Он алкоголик.

– Боксер-алкоголик? Смешно. И ты терпишь?

– Куда мне деваться? У меня же дочка! Феликс часто возвращается домой никаким – приводят сослуживцы. Когда отрубается, я от злости отдаюсь его друзьям. – Она вызывающе посмотрела на меня. – Тебе еще интересно со мной?

– Все интереснее и интереснее, – помрачнел я.

– Я хочу, чтобы ты все обо мне знал. Я загадала, что ты вытащишь нас с дочкой из этой грязи.

(М-да… как это, вытащишь? Я что, благородный рыцарь, который, схватив меч, скачет мстить обидчику?)

– Может, на сегодня хватит историй? – взмолился я. – Выдавай их небольшими порциями, п-пожалуйста.

И она обняла меня. А потом, взявшись за руки, словно детсадовские дети, мы молча гуляли в сквере. Улыбались друг другу, как дураки, и смеялись над «железным» тезкой ее мужа – промерзший Феликс сжимал правую руку в кулак, а левую прятал за спину.

7

События стали разворачиваться стремительнее, чем я предполагал.

– Я рассказала мужу о нас с тобой, – выпалила Оля на следующий день, входя в мою обитель. – Я объявила, что ухожу от него.

– А он? – офигел я.

– Сказал, что убьет и тебя, и меня. Поехал в «контору» на Ленина за пистолетом.

Что бы вы сделали в таком случае? Вот и я ничего не сделал и ничего не сказал. Может, она ждала, что я немедленно предложу ей руку и сердце? Но, увы, я не был готов к такому повороту событий.

– Куда же ты теперь? – встревожился я.

– Не бойся, не к тебе, – улыбнулась она. – Уеду к папе, он меня любит. – Помолчав, добавила: – Ты знаешь, я очень боюсь людей… боюсь выходить на улицу. Только с тобой мне никогда не было страшно.

Мы обнялись, и она поцеловала меня в губы, и поцелуй был предсмертно долог…

8

…….

……

9

– Что, опять депресняк? – спрашиваю себя и сам же себе отвечаю: – Да, опять. Настолько сильный, что отключил телефон.

Обычно в минуты отчаяния я хватаюсь за телефонную трубку, как утопающий за соломинку, и звоню, звоню друзьям и просто знакомым в надежде, что кто-нибудь вытащит меня из чертова омута, в который попал по своей же вине. А сегодня даже не звоню. Просто смиренно иду ко дну. Безумно хочется услышать Олин голос, но телефон ее девятый день как не доступен.

Пиво пенится в стакане, пузырьки стремительно поднимаются со дна и увеличивают объем жидкости. В хорошем пиве должно быть много пены. Возможно, если б я пил только пену, то смог бы продержаться на плаву некоторое время, пока б меня не нашли спасатели, но я

давлюсь желтой жидкостью и наполняюсь смутной тяжестью. Я пью и пью, тяжелею и тяжелею – дно уже совсем близко… И еще: я боюсь людей.

Я очень боюсь людей…

Не бросайте шляпу на кровать, или Страсти по Борхесу

Действующие лица

Борхес – писатель лет тридцати
Луис – его отражение, старше Борхеса лет на двадцать
Ромина – возлюбленная Борхеса
Сильвио – портье в гостинице

Над стеклянными раздвижными дверьми надпись «Лас Делисьяс». В двери входит человек в светлой шляпе-федоре и с дипломатом в руке. Швейцар на входе расплывается в приветливой улыбке. Холл дешёвой аргентинской гостиницы, ничего примечательного, лишь обилие старинных зеркал является некоторым украшением. Рецепшен.

Портье. Здравствуйте, сеньор Хорхе.

Борхес. Здравствуй, Сильвио. Рад тебя видеть, дружище, в покое и здравии. Подскажи мне, любезный, какое сегодня число?

Портье *(С понимающей улыбкой).* С утра было 25 августа, сеньор Хорхе.

Борхес. Вот те раз! Я что, прохлопал собственный день рождения?

Портье. Что вы, что вы, что вы… Надо сказать, вы вчера отпраздновали э-э-э… весьма недурно. *(Подмигивает и с заговорщицкими нотками в голосе.)* Ромина поднималась к вам в номер!

Борхес. Сильвио, ты глуп. *(С весёлым превосходством.)* Ромина не могла вчера подниматься в мой номер. *(Язвительно.)* Не догадываешься почему?

Портье. Не смею предположить, сеньор.

Борхес. Всё очень просто, дружище. Я только сегодня приехал в Адроге. И прямо с вокзала к вам, в «Лас Делисьяс».

Портье *(Растерянно)*. Ну да, я как-то об этом не подумал. Я действительно глуп. Прошу вас, сеньор, зарегистрируйтесь в книге гостей. *(Пододвигает книгу.)*

Борхес *(Берёт ручку и наклоняется, чтобы писать)*. Что это?!

Портье. Где?

Борхес. Вот эта запись: «Хорхе Луис Борхес». Она сделана вчерашним числом!

Портье *(Делает удивлённое лицо, но понятно, что он лукавит.).* Там не может быть такой записи.

Борхес. Как же не может быть, тупица, когда я тычу тебе ею в лицо.

Портье *(Обиженно).* И смотреть не буду.

Борхес. Но почему?

Портье. Потому что там не может быть записи «Хорхе Луис Борхес», если вы приехали сегодня. Только что.

Борхес. Мне кажется, Сильвио, что ты не настолько глуп, как прикидываешься. Но ведь какой-то человек, назвавшийся моим именем, вчера заехал в вашу гостиницу. Так?

Портье. Насколько мне позволяет судить мой слабый ум, именно так.

Борхес. Как он выглядел?

Портье. Похож на вас, но выглядел сильно уставшим и…

Борхес. И?

Портье *(В недоумении)*. Теперь мне кажется, что он… несколько старше.

Борхес *(Нетерпеливо перебивает, будто о чём-то догадывается).* И снял он номер…

Портье. *(Издевательски).* Девятнадцать.

Борхес *(Не замечает иронии. Вздрагивает)*. Девятнадцать! Конечно, девятнадцать! Я мог и не спрашивать… *(Задумывается. После некоторого молчания поднимает взгляд на Сильвио.)* Мне регистрироваться?

Портье. Непростой вопрос, сеньор Борхес. Если вы приехали вчера, как бы уже и не нужно, а если сегодня, то сделайте одолжение – зарегистрируйтесь.

Борхес *(Продолжает рассматривать запись в книге. Сам себе).* И почерк похож на мой, но явно подделан, нетвёрдый. *(Обращается к Сильвио.)* Пожалуй, зарегистрируюсь.

Портье. Цель вашего приезда, сеньор?

Борхес. Здесь, в вашей гостинице, много лет назад я начал писать книгу и закончить её намереваюсь тоже здесь, в том же самом номере.

Портье. Великую книгу, осмелюсь предположить?

Борхес. У тебя слабый ум, Сильвио, но даже он позволяет сделать верное умозаключение.

Портье. *(Тихо, с сожалением глядя на Борхеса).* Никаких умозаключений, просто я всё это слышал… вчера. *(Громко.)* И какой номер вам предложить, сеньор Борхес?

Борхес. *(Рассеянно)* Девятнадцатый…

Портье *(Сочувственно смотрит на Борхеса и роется в ключах на столе.)*. Вот вам дубликат от девятнадцатого. *(Недовольно.)* Разберитесь там с самим собой.

Борхес уходит.

Портье. Кто ж из вас настоящий, вчерашний или сегодняшний? Ох, надо наконец как следует выспаться, иначе и свихнуться не долго.

Длинный коридор гостиницы. Это не коридор, а весьма запутанный лабиринт. Двери, двери, двери… Наконец взгляд останавливается на номере «19». Борхес входит. Смятая кровать. Несвежее бельё. Длинный обшарпанный стол, над которым большое старинное зеркало. Борхес кидает шляпу на кровать и немедленно направляется к столу. Медленно водит ладонью по краю крышки, словно узнавая старого «друга», затем садится на стул. На столе возникает новенький современный ноутбук с большой диагональю, который явно дисгармонирует с бедным убранством комнаты. Ноутбук раскрывается, пальцы пляшут по клавиатуре, а на экране бегут строчки: «Ромина влетела в комнату Хорхе и радостно закружила вокруг возлюбленного: в жёлтом коротком топике, своим весёлым неуместным „жужжанием“ она напоминала осу, которая, как известно, приносит счастье…»

Ромина. (*Игриво*) Ты всё никак не допишешь Великую книгу, зануда? (*Хохочет*)

Борхес. *(С досадой отвлекается от рукописи, но при виде счастливой непосредственности девушки приходит в радушное состояние.)* Откуда ты, стрекоза? Раз зашла – лети в мои руки! (Картинно распахивает объятья.)

Ромина с хохотом уворачивается от попыток Борхеса заключить её в объятия, хватает с кровати шляпу и вешает на крючок у двери.

Ромина *(Старается сделать сердитое лицо)*. Сколько раз я тебе твердила: плохая примета – класть шляпу на кровать. Тётя Флорентина рассказывала, что Хуан Муранья лишь однажды поступил таким образом, и в тот же вечер был убит поножовщиками.

Борхес. Я не верю в приметы, Ромина.

Ромина. Никто и не заставляет тебя в них верить, только молодой писатель, вроде тебя, должен быть *(загибает палец)* наблюдателен, *(загибает второй палец)* внимателен…

Борхес. …и занимателен *(Пытается поцеловать девушку, но та снова уворачивается)*.

Ромина. Ты легкомысленный, Хорхе. Я хотела сказать, что нужно уважительно относиться к традициям. А в даты, надеюсь, ты веришь?

Борхес *(Снисходительно).* В даты верю.

Ромина. И какое сегодня число?

Борхес. 25 августа.

Ромина. Ах-ха-ха! Не угадал и всё перепутал. Сегодня 24 августа – твой день рождения!

Борхес *(С досадой)*. Наврал Сильвио. Старый плут!..

Ромина Я принесла тебе подарок. Ну-ка закрой глаза.

Борхес покорно закрывает глаза.

Ромина. А теперь открой!

Борхес открывает. Пол и кровать залиты кровью. В постели умирающий Хуан Муранья.

Ромина. Ну же, смелей! Открывай глаза!

Борхес открывает. Ромина, довольная собой, держит в руках испанский нож. Борхес берёт его в руки.

Борхес. Это мне?

Ромина. Тебе! С днём рождения!

Борхес в прострации.

Ромина. Что с тобой?

Борхес. Покойник померещился. Странно…

Ромина. Странно?

Борхес. Ножи не дарят.

Ромина. Ты же не веришь в приметы?

Борхес. Это не примета. Это… это… опыт. Прости, я не могу принять такой подарок.

Ромина расстроена.

Борхес. Но я могу его у тебя купить. *(Роется в карманах брюк.)* Вот, возьми двадцать сентаво.

Ромина берёт и капризно кидает монетку на пол. Ромина обижена.

Борхес. Ну, хорошо, хорошо… извини, Ромина. Я принимаю твой подарок. Более того, я ему рад, я даже мечтал иметь нож настоящего гаучо. Просто… просто у меня всплыли дурные воспоминания.

Ромина *(Всхлипывает)*. Я старалась, а в результате подарила дурные воспоминания.

В зеркале появляется Луис. Если не приглядываться, можно было бы предположить, что это отражение Борхеса. Разве что в волосах мелькает седина, да морщины резко разлетаются в уголках глаз. На лоб Луиса надвинута светлая федора – та самая, что болтается сейчас на крючке у входной двери.

Луис. Утешь её!

Борхес (Оборачивается к зеркалу). Ты зачем явилась, жалкая карикатура?

Ромина (Плохо расслышав и не видя Луиса, продолжает всхлипывать). Я не каракатица!

Луис. Удивительно, но мы с тобой одно целое.

Ромина (Не видя Луиса и предполагая, что обращаются к ней). Ты правда так считаешь?

Луис. В мамином доме всегда можно было найти бутылочку бренди. Давай поздравим друг друга с днём рождения.

Ромина. Друг друга? (Продолжая обижаться, сердито) Поздравь себя сам!

Луис выходит из зеркала, идёт в угол комнаты и невесть откуда извлекает бутылку.

Борхес. Здесь не мамин дом, мы в гостинице Адроге. Это сон. Ты мне снишься?

Ромина. Хорхе, я более чем реальна. (Заботливо) Ты, кажется, переутомился. Я много раз говорила, что компьютер и кофеин когда-нибудь доведут тебя до нервного срыва.

Луис. Гостиница в Адроге сгорела 20 лет назад, а это значит, что снишься мне ты, ведь мы с тобой одно целое – ты и я.

Ромина (Рассеянно). Ты правда так считаешь? Хорхе, если ты хочешь сделать мне предложение, то нужно действительно немного выпить. Иначе я совсем не прочувствую торжественности момента.

Луис бросает шляпу на постель, Ромина, успокоившись, плюхается прямо на неё.

Борхес (Луису). Бросать шляпу на кровать – к беде.

Ромина. Хорошо, что ты это запомнил.

Луис (Подавая рюмки). Ну что ж, выпьем за нас?

Ромина (Пригубляя бренди). С днём рождения, Хорхе!

Борхес. День рождения прошёл вчера, не правда ли?

Ромина. Ты опять всё путаешь: сегодня 24 августа.

Луис. Сегодня 25 августа, и бутылка была почата вчера. Не догадываешься почему?

Борхес. Потому что в ней яд? Занятно, когда-то я написал здесь рассказ о собственном самоубийстве – за этим письменным столом у старинного зеркала.

Луис. Мы с тобой написали его вместе.

Ромина (Роняет рюмку). Хорхе, почему ты пугаешь меня? Я не писала с тобой никакого рассказа!

Луис жестом фокусника достаёт из ниоткуда страницу рукописи и присаживается на кровать рядом с Роминой.

Луис. (Одной рукой приобняв Ромину, картинно читает). «Каждый художник когда-нибудь да приходит к пониманию того, что нельзя дописать Великую книгу. За человеческую жизнь можно создать лишь множество предисловий к ней – массу разрозненных отрывков, которые никогда не соединятся в целое, как разбитое зеркало. И наградой высшему проявлению искусства служит только смерть».

Борхес. Я знал, что такое случится ещё двадцать лет назад, когда мы с тобой придумывали этот фантастический рассказ. Но сегодня у меня другое настроение и я меняю финал.

Борхес выхватывает лист из рук Луиса и рвёт его на кусочки. Луис в гневе.

Луис. И я вправе изменить финал!

Луис на глазах превращается в бандита Хуана Мураньо.

Борхес (С сарказмом). Скверная примета – бросать шляпу на кровать.

Борхес хватает подаренный нож и бросается на Луиса-Мураньо. Кровь хлещет на постель, растекается по полу. Ромина, визжа от страха, бежит к дверям. В дверях неожиданно появляется Сильвио с дуэльным пистолетом в руке.

Сильвио. Все в сборе красавчики!

Сильвио направляет пистолет на Борхеса, и в ту же секунду мёртвый Хуан Муранья начинает постепенно исчезать, а Борхес принимает облик убитого. С тем же окровавленным ножом он набрасывается на Сильвио. Сильвио стреляет. В комнате становится дымно. На полу лежит застрелянная Ромина. Сквозь дым в зеркале появляется отражение Хуана Муранья. Сильвио стреляет в зеркало, кусочки которого сыплются на пол рядом с Роминой.

Сильвио при виде мёртвой Ромины бросается к ней. На его лице ужас и горе.

Сильвио (Трагично). Прости меня, дочка, зеркала отвратительны, ибо множат наши ошибки. В этом зеркале уже никто не отразится.

Сильвио поднимается, снимает шляпу с крючка и, артистично надев её на голову, медленно выходит за дверь.

В луже растекающейся крови лежит Ромина. На её груди, у сердца, – осколок зеркала. Кажется, что из него выглядывает злой бандит и поножовщик Хуан Муранья.

За дверью ничего нет: ни коридора, ни холла гостиницы, ни стеклянных дверей. Лишь бесконечная пустошь. В падающий сумрак уходит человек в шляпе, чуть сгорбленный от возраста и тяжких мыслей. Но это не Сильвио, а писатель Борхес.

Исчезает вдали.

Разорванное сердце Адель

1

Если вам на самом деле хочется услышать эту историю, то я начну с того, как однажды Лизка, моя школьная подруга, попросила ответить на вопросы одной, на первый взгляд вполне обычной, анкеты в её личном дневнике. Вы же представляете девчачьи тетрадки с любимыми песнями, фотками певцов, актёров и записями подружек по серьёзным и не очень серьёзным поводам? У меня таких дневников-блокнотов скопилась целая куча, но я ими года два как переболела и не вижу в них больше никакого смысла, а Лизка – она смешная, до сих пор заплетает косички, тугие такие и толстые, с бантиками, обзавидуешься, – и продолжает играть в прежние детские игры. Вот что я тогда написала:

Мне четырнадцать лет. Мои родители думают, что меня зовут Юля, только моё настоящее имя – Джулия. Свою дочку я назову Саманта – Сэм, а если будет сын, то Феликс – Флекс. Я дам детям иностранные имена, потому что выйду замуж за негра, уеду в Америку и сделаю головокружительную – ах! – карьеру там. В детстве я мечтала стать ветеринаром, но потом передумала: хочу быть главным редактором своего собственного журнала и писать сценарии для Голливуда. Любимые цвета – белый и чёрный, потому что они ненавязчивы и почему-то успокаивают меня. Из животных больше всего нравятся хомячки – милые, пушистые, маленькие и… беззащитные зверьки. У них нет мозгов, поэтому любой мой бред выслушивают терпеливо и трепетно. Обожаю тюльпаны, если они симпатичные и жёлтые, просто потому, что они были в фильме с Брюсом Уиллисом. Моя любимая цитата: «Куда деваются утки, когда пруд замерзает?» Есть много групп, чьи песни слушаю с удовольствием, особенно «Beatles», «LMFAO», «Muse». Ненавижу «Бис», «Серебро» и «Виагру». Мой любимый фильм – «Ромео и Джульетта», но не тот, что с Ди Каприо, а с Оливией Хасси. Мир был бы для меня пуст, если б в нем не было любви. Любовь для меня – это когда не можешь и пяти минут прожить без человека, нужно обязательно его видеть, чувствовать. У меня есть вопрос к Богу: «Я хороший человек?»

С тех пор, после этой дурацкой анкеты, меня как заклинило, и я всем и всегда задаю одни и те же вопросы: «Без чего мир стал бы для вас пуст? Что такое любовь? Какой вопрос вы бы задали Богу?» Ответы знакомых и близких, как правило, разочаровывают, и постепенно начинаю осознавать, что в духовном плане большинство людей живёт в непересекающихся, а стало быть, параллельных плоскостях; увы, разные поколения почти не способны понимать друг друга, особенно если к этому не стремятся. Мне думается, что разрыв между поколениями совсем ничтожен, ведь у семнадцатилетних совершенно иные представления о жизни, чем у нас. А что говорить о взрослых! Их ответы скучны и унылы, и по ним видно, что они не способны понять даже собственных детей.

К примеру, моя мама до сих пор – что за странная привычка? – называет меня ребёнком. Меня это бесит. Какой я ребёнок, если давно выше неё ростом? Или вот приготовит суп, а я ем, ем и доесть не могу, потому что она наливает его до краёв в глубокую тарелку, но я же не корова и поэтому не доедаю.

– Спасибо, мамочка, – говорю, – было необыкновенно вкусно!

– Тебе не понравилось, ребёнок, – огорчается она.

А кажется, так легко понять, что, когда ребёнок говорит «вкусно», это значит, что ему понравилось.

Взрослые всегда поступают нелогично и глупо. Мама говорит, что ей никогда не нравилась папина борода. А зачем тогда было выходить за него замуж, если не нравилась? Или вот когда папа ушёл от мамы, он твердил, что любит её. Но разве расстаются, когда любят? Я потом

долго прятала его пропахшую потом рубашку под подушкой, ночью тайком, уткнувшись в неё, вдыхала родной запах и думала, что нет ничего слаще отцовского пота. Мама, конечно, обнаружила рубашку и сначала выстирала её, а потом выбросила. Вот так, никакой логики… Сначала выстирает, а потом выбросит.

Если уж с родными людьми сплошные недоразумения, то что говорить об учителях, которые с некоторых пор считают меня дрянной девчонкой. Я подслушала однажды разговор нашей классной с химичкой, она так и сказала – «дрянная девчонка», и я теперь всегда это помню и больше не хочу казаться хорошей. А ведь стремилась только к достойным поступкам, и в детстве чрезвычайно радовалась, когда меня хвалили; но уж так устроены взрослые: в их головах – помойка из подозрений, интриг и сплетен, поэтому любой твой благородный порыв остается незамеченным, но стоит лишь раз ошибиться и произнести ненароком неосторожное слово, как тебе для начала высушат мозги, а потом будут гнобить долго.

И почему это я дрянная? Я не курю в туалете, как многие девочки, не матерюсь – разве что сгоряча, да и то по-английски, – учусь хорошо, да ещё и бабушек через дорогу перевожу. Ну почему?

Вот классная на меня обиделась и теперь недолюбливает по своей же дурости. А было как? Сидим мы с Петровой на русском и шепчемся. И почему бы не пошептаться, когда кругом столько событий и урок-то толком не начался? А Лия Васильевна заметила перешёптывания и недовольно так мне (А чем Лизка-то лучше? Всегда я крайняя!):

– Ну-ка встань, Юлия! Если хочешь говорить вместо меня, то расскажи всему классу, о чём вы там шепчетесь на уроке, нам тоже интересно узнать. Давай-давай, только говори правду!

Скажите, зачем взрослым всегда хочется знать правду? Если ты взрослый и способен думать, то просчитай, как в шахматах, несколько ходов вперёд и реши для начала, насколько тебе нужна правда четырнадцатилетних дрянных девчонок.

Я понимаю, что Лия Васильевна тупит, поэтому стою себе, молчу виновато, пусть успокоится, думаю. Но она не унимается и снова:

– Значит, легко шептаться за чужой спиной, а встать и произнести вслух смелости не хватает? Вероятно, вы говорили об очень стыдных вещах?

Тон такой неприятный, язвительный у неё, и у меня в голове вдруг всплывает «дрянная девчонка», наверное, в этот момент она так думает. Тут что-то на меня нашло. Бывает так, что, когда начинают наезжать несправедливо, то вдруг резко темнеет в глазах и я перестаю контролировать свои поступки, а тем более речь. Поэтому я не выдержала и сказала:

– Ну, мы… гадали, женится на вас Анатолий Палыч или нет, животик-то у вас, Лия Васильевна, совсем округлился.

Анатолий Павлович – наш физрук, неплохой, в общем-то, дядька, жалко, старый; классная часто бегает к нему в раздевалку и думает, что никто этого не замечает, наивная чукотская девочка. Ох, что тут было! Её словно током из розетки долбануло и потом долго трясло. Меня, конечно, из класса выгнала, а Лизку оставила, хотя Лизка-то, любопытная крыска, первая начала сплетничать и хихикать. Это всё потому, что я плохая по жизни, а ей всегда везёт. Обидно было, ведь на самом-то деле я переживала за нашу классную, всё прикидывала, как она будет одна с ребёночком, и не желала ей ничего плохого. Сама же начала: правду, правду…

И в очередной раз в школьном дневнике появилась запись о моём безобразном поведении. Вот этого я совсем не понимаю: кто дал право учителям превращать дневники учеников в книги жалоб и предложений? Если вам невтерпёж, напишите мыло, там, или эсэмэску, что ли. Зачем портить личные вещи? Открываешь потом дневник, а в нём гадкие слова встречают тебя неожиданной пощёчиной, и настроение, конечно, портится. Когда появилась первая кляуза, я хотела забросить дневник куда подальше, но потом в отместку стала коллекционировать записи – уже через год читать их совсем не обидно, а даже смешно: «Уколола Осипову в зад» –

это я пыталась применить знания по медицине, училась делать уколы; «Разбила цветочный горшок» – да столкнула случайно с подоконника во время генеральной уборки; «Ездила верхом на Андрееве» – он, дурак, поспорил, что довезёт меня до учительской; «Стёрла в журнале двойку по химии» – не свою же, выручала Петрову, ревела очень; «Избила Хрулёву» – Тыковку, что ли? – просто оттаскала за волосы, а она подняла такой рёв, будто её террорист насиловал.

Тыковку ненавижу! Никого более гадкого я ещё не встречала. Подлиза и подхалимка, всегда торопится выпендриться перед учителями, без мыла в душу влезет. «Лия Васильевна, какая вы сегодня нарядная, как вам идёт это платье!» – и улыбается, преданно заглядывая в глаза. А улыбка у неё знаете какая? Вы тыкву на Хэллоуине видели? Вот такая у неё улыбка. Но взрослые почему-то ведутся на элементарное враньё, на дешёвую фальшивку… А ещё просят правду, правду…

* * *

Летом я впервые в жизни напросилась отдыхать в лагере, Лизка уговорила поехать с ней, она каждый год ездит в «Берёзку». И загорелось во мне желание, подумала: «Почему бы и нет?» – заведу себе новых друзей, поработаю над собой и за лето, конечно же, изменюсь в лучшую сторону, приду первого сентября в школу, и учителя удивятся, увидев, что я не капризная маленькая девочка, как говорит полушутя папа, а вполне серьёзная взрослая девушка, и будут ставить всем в пример, и писать в дневнике благодарности. А что? Пусть родители гордятся мной, имеют право.

Мама напряглась и достала путёвку. Я обрадовалась так, будто главный афроамериканец мне предложение сделал, и расцеловала маму – я вообще-то сдержанный ребёнок и обычно не позволяю эмоциям бурлить и выплёскиваться. «Roll up, roll up for the Magical Mystery Tour!» – пело моё сердце, и мама сияла так, точно она едет вместе со мной к счастью и солнцу!

Только с самого начала всё пошло наперекосяк. Лизины родители неожиданно купили горящие путёвки в Египет, и моя любимая преданная подруга уехала отдыхать с ними. Но это ещё, как говорится, полбеды. В день отъезда, когда я уже восторженно махала в окно автобуса помирившимся на время – специально для меня – «предкам», вдруг краем глаза заметила, что этот овощ, Тыковка, едет со мной. Настроение было испорчено напрочь. Разве мало других лагерей? Концентрационный, например, ей бы очень подошёл. Ну почему всегда находятся люди, которым так необходимо изгадить твои наилучшие намерения и растоптать благородные чувства? «Полный бред, – думала я. – На пятнадцатой минуте счастья произошла замена: место выбывшей по уважительным причинам лучшей подруги детства занимает тупорылая Хрулёва, больше известная как Тыква».

Рядом со мной сидела невысокая пухлая девчонка, чем-то напоминающая Винни-Пуха из мультика. Со злости я решила ей сразу же нахамить, типа сострить. Повернулась к ней и сказала (тест на вшивость):

– Привет, Винни!

Она не растерялась:

– Привет, Пятачок!

Тут мы посмотрели в глаза друг другу и расхохотались. Так бывает, что родственные души притягиваются, вот и мы потом все время были вместе.

– Вообще-то я Адель, живу в Сипайлово.

– А я Джулия из Зомби-сити.

– Понятно. Меня зовут так же, как певицу Адель Эдкинс, и имя, как в английском, не склоняется, я всегда ругаюсь из-за этого с училкой по русскому. Надеюсь, ты меня понимаешь?

Май гяд! Понимаю ли я? Да у меня у самой подобные проблемы. Я кивнула: не буду склонять.

– Наша вожатая Людмила Петровна – строгая такая, серьёзная. Тяжело будет с ней, – зашептала Адель мне прямо в ухо.

«Лишь бы ей с нами было легко», – подумала я и снова многозначительно кивнула. Людмила – вожатых между собой мы называли только по именам – была в светло-зелёной блузке с короткими рукавами и мятых брюках красновато-бежевого цвета. Большие тёмные очки совсем ей не шли и словно делили лицо пополам. Высоко зачёсанные волосы открывали лоб в мелких морщинах. Что ещё добавить? Разве что аккуратный, чуть вздёрнутый носик (не люблю курносых) и острый треугольный подбородок – ничего примечательного, за что мог бы зацепиться взгляд. М-да, не лицо, а взятая напрокат маска.

– Волосы такие шикарные, густые, а зализала назад, как старуха, – плохой признак. Зато Роман Анатольевич – славный такой и все время улыбается. Мальчишки точно ему на шею сядут, – Адель продолжала делиться впечатлениями.

Я посмотрела на вожатого, сидевшего впереди лицом к нам: стриженый коротко, с нелепо торчащими в стороны ушками, к которым то и дело тянется улыбка – смайлик интернетовский, расставляемый из элементарной вежливости. Молодой какой-то, почти нашего возраста. и какой он Роман Анатольевич, скорее Рома, ну хотя бы Роман.

А девки, которые сидят впереди, – о май гяд! – и Тыква там же – вовсю к нему клеятся.

– А сколько вам лет? – слышу её слащавый голос.

– Двадцать один, – улыбается Роман.

– Спорим, ему лет семнадцать, – поворачиваюсь к Адельке.

– Думаешь, врёт?

– Очевидно же. Авторитет нарабатывает.

– Хотите конфеты? – девочка с узким лицом и длинными смолянистыми волосами тянется к нам из-за спинок сидений. Смуглая, она похожа на мексиканку из сериалов. Помню, на площади нас удивил высокий красавец, похоже, культурист, вылитый Шварценеггер, – как потом выяснилось, старший вожатый Жора, который время от времени посылал кого-то подальше. «Иди ты!» – то и дело слышалось в мегафон. Оказалось, что это он по списку выкрикивал Эдиту – ту, которая теперь сидит за нами. Эдита – красивая девчонка, и нам с Аделью (простите – с Адель) приятно её общество. Мы познакомились и всю дорогу болтали душевно – мои новые подруги легки в общении и ненавязчивы.

2

Мы – Джулия, Адель и Эдита – вышли из автобуса, как выходят кинозвёзды на красную дорожку какого-нибудь Каннского кинофестиваля – яркое солнце ослепило нас, как вспышки фотокамер гнусных папарацци, а в качестве толпы фанатов нас встречали потные и вонючие «хоббиты» из младших отрядов, которые подъехали почему-то раньше и до сих пор не смогли рассосаться. «Silly Love Songs» – слащаво-ностальгическая песня сэра Маккартни неслась из скрипучего динамика, по всей видимости, его ровесника. Да-да, я узнала её, песню юности моего папы и одновременно музыку моего детства. Папа рассказывал, что, когда я ещё была у мамы в животике, он включал мне свои любимые роковые вещи, именно поэтому теперь наши музыкальные пристрастия сходятся; что ж, со своими детьми я проделаю тот же фокус. О этот пронзительный голос, разрывающий сердце очаровательными глупостями:

Love doesn't come in a minute,
Sometimes it doesn't come at all.
I only know that when I'm in it —
It isn't silly, no, it isn't silly,
Love isn't silly at all! Yeah, yeah!

«I love you», – подпеваю я Полу, новые подруги весело подхватывают мой порыв, и мы дружно признаёмся в любви прекрасному трепетному миру, готовому приютить нас ровно на двадцать один день, согласно оплаченным путёвкам. Тёмные стильные очки сдвигаются на кончик носа, и поверх них я осторожно и быстро пытаюсь оценить ситуацию – понять, нет ли рядом красивых мажористых мальчиков. Мои подруги синхронно повторяют мои движения. К счастью, в толпе нет ни одного, кто бы отдалённо напоминал негра моей мечты, способного пробудить во мне хоть какой-то комплекс неполноценности. Отмечаю: мальчишки озабоченно и неуверенно рассматривают нас, совсем не понимая, что привлечь наше внимание могло бы только холодное циничное безразличие, близкое к презрению. Отмечаю также: с самого приезда лагерь оправдывает мои ожидания.

В шумной толпе через распахнутую решётку главных ворот поволокли «саквояжи» к месту построения, а там Роман безуспешно пытается командовать, но его, конечно, никто не слушает. И тут густой голос барабанной дробью ударяет в ушные перепонки: «Отррря-ад!» Все на мгновенье замолкают, удивлённо уставившись на Людмилу Петровну. «В две шеренги становись!» – приказывает она и выкидывает в сторону правую руку, показывая, где нужно строиться; мы нехотя вытянулись справа от неё, чтобы выслушать короткий бессмысленный инструктаж. Даже и не помню, о чём он был. Так бывает, когда учителя на уроке начинают сыпать давно заученными фразами, вдруг задумываешься о чём-то своём и отключаешься, а главное, нет в этом моей вины: мозг сам по себе отказывается воспринимать лишнюю информацию. По этой же причине я никогда не запоминаю рекламу. Как бы ни старались мне её впихнуть телевизионные редакторы, их попытки обречены на неудачу – тупо не слышу. И случается так, что когда все ржут над кавээновскими шутками, в основе которых рекламные ролики, я глупо хлопаю глазами, не понимая, где смеяться.

– Предлагаю назвать наш отряд «Сагарматха», – говорит Людмила, и скрежет необычного экзотического слова возвращает меня в реальность. – Это непальское название самой высокой горной вершины, в переводе – «властелин мира». Вот и мы с вами, как альпинисты, должны покорять всё новые и новые вершины…

Слова «должны» и «обязаны» всегда вызывали у меня скуку и даже апатию, поэтому я не испытала особого восторга, а, оглянувшись на ребят, заметила, что их тоже заклинило: перспектива в первый же день обозваться сагарматхами была весьма сомнительной и не вызывала энтузиазма.

Выручил Роман, до сих пор стоявший скромно в сторонке:

– А давайте назовёмся просто – «Техас».

– Нет никакого смысла в «Техасе»! – вспыхнула Людмила.

– Ну почему же? На языке индейцев слово «техас» означает «друг, союзник».

И тут я неожиданно поддержала вожатого.

– Техас для нас, – сказала я, как мне показалось, негромко, но все услышали и подхватили: – Да, Техас! Техас – для нас!

Решение было принято, но я вдруг почувствовала свой промах, поймав короткий тяжёлый взгляд Людмилы Петровны, с которой надеялась сдружиться. И что я встряла? Язык мой – враг мой, ведь и так было понятно, что затея с «Сагарматхой» совершенно безнадёжна.

– Что ж, Техас так Техас, – вздохнула разочарованно Людмила Петровна и показала рукой на корпус. – Занимайте места в палатах, правое крыло ваше.

Новоявленные техасцы с воплями бросились на штурм здания; я чуть тормознула с тяжёлой сумкой, и долговязый парень, проносясь мимо, толкнул меня. От полученного ускорения – надо же было такому случиться! – я пролетела пару шагов вперёд и в падении – какой позор! – боднула Людмилу в её круглый зад. Она вскрикнула и, развернувшись, вцепилась в меня взглядом – брови удивлённо поползли вверх, а руки скрестились на груди в бессознательной защите.

– Простите, миссис, – пробормотала я, поднимаясь с земли, сконфуженно улыбаясь и потирая ушибленную руку.

«Факин шит! – отчаянно вертелось в голове. – Откуда ты взяла эту „миссис“? Глупая попытка свести всё к шутке?»

А в это время Тыковка тут как тут – и запищала, и закудахтала, как говорильная машина, не дав мне опомниться:

– Какая бестактность, ведь миссис – это замужняя женщина. Правда, Людмила Петровна? А вы ведь ещё девушка. Юля и в школе такая задавака, от неё все учителя стонут. Она и извиниться толком не умеет.

– Простите, – прошептала я ещё раз, моментально вспотев от смущения.

– …миссис, – съязвила вожатая (как же знаком этот холодок в глазах, точно как у Лии Васильевны) и едва заметно покачала головой. – Идите в палату, Юлия.

Я не тупая и поняла, что это война и пощады не будет.

– Меня зовут Джулия, – сказала гордо и дерзко и отправилась разыскивать Адельку.

Адель, забежавшая в корпус одной из первых, заняла лучшие места у окна и, как грозная собачка, огрызалась при попытках посягнуть на них. Эдита растерялась почему-то и устроилась поначалу у входа.

– Давай позовём Эдиту, – предложила Адель. И, не дожидаясь ответа, крикнула раздельно: – Иди Ты!

Эдита приняла шутку и, счастливая, переместилась к нам.

* * *

I'm so tired, I haven't slept a wink. Столько впечатлений от первого дня, что никак не заснуть. После отбоя долго лежим с открытыми глазами и разговариваем. Замечания дежурных вожатых бессмысленны и ни к чему не приводят. У мальчишек в палате шум, слышится спокойный голос Романа – в ответ хохот, успокоиться никто не может, да и не хочет. По себе чувствую, что это невозможно. Снова Роман, он повышает голос, пытаясь казаться строгим, мальчишки затихают на время, но, как только он уходит в вожатскую, шум возобновляется с новой силой. Мне жалко нашего вожатого.

– Надо брать Рому под своё крыло, – говорю Адельке.

Вскакиваю с постели и решительно иду к мальчишкам. Не знаю, что буду делать, но что-то предпринять необходимо. И срочно. Включаю у мальчишек свет, они затихают на мгновенье и удивлённо таращатся на меня: мол, чё припёрлась? Жердину, привставшего с кровати, того самого, что толкнул меня сегодня, зовут Гусев, не нужно даже гадать, какая у него кличка. «Лежать, Гусь!» – тычу в него двумя пальцами вытянутой руки, и он, загипнотизированный, подчиняется. А потом выбираю того, кто мне кажется заводилой, – парня с приплюснутым лицом бульдога, и говорю, обращаясь только к нему, – говорю громко и с расстановкой:

– Слушай, ты, йоршик (ха, при чём тут ёршик-то, каким таким местом он на него похож?), если ещё раз Рома расстроится из-за тебя, то ты расстроишься до поноса в трусах.

Публика в постелях офигевает, а я разворачиваюсь, подобно мачо в голливудских фильмах, и вдруг вижу перед собой Людмилу, залетевшую в палату, как моль на яркий свет.

– Что вы делаете ночью у мальчиков? Вам не стыдно? – тон жёсткий, ехидный.

Я строю невинные глазки и пытаюсь проскользнуть мимо неё в свою палату, но она железным голосом командует:

– На веранду марш! Вы наказаны и будете стоять там, пока не осознаете проступок!

Вот те на! и здесь то же, что и в школе, не успела приехать, как сразу записали в разряд отстоя. Факин шит!

– Людмила Петровна, извините, я не знала, что вы не замужем, – выдавливаю из себя.

И это надо было видеть: она побледнела, сжала губы плотно, как я обычно делаю, когда пытаюсь удержаться от очередного плохого поступка, а потом резко указала на дверь:

– На веранду!

Плетусь на веранду и чувствую себя полной идиоткой. Обидно. По сути, я выполняла вожатские обязанности. Надо было ввязываться? Сами бы справились. Первый день – и два прокола. И всё с Людмилой. Теперь она на меня взъелась, точно как Лия Васильевна. Словно выбирала себе врага и вот нашла. Судьба у меня, видно, такая – всё время косячить. Умеют же люди быть обходительными и держаться серьёзно как-то, по-взрослому. Эх!

Смотрю в окно на ночное небо и думаю, какой я противоречивый человек: только что совсем не хотела лежать в постели, тем более спать. А когда запретили делать это, вроде бы неплохо и полежать сейчас; наверное, Адель с Эдитой шепчутся, рассказывают о себе, о школах, в которых учатся, обмениваются впечатлениями…

– Добрый вечер, Юлия! Дышишь ночной свежестью?

Я вздрагиваю: мужской голос раздаётся так неожиданно. «Кто это проникает в темноте в мои мечты заветные?» – всплывает в памяти. Смотрю – вожатый. Вошёл неслышно и встал у окна рядом со мной. «Как он сюда пробрался, для чего?»

– Нет, Роман Анатольевич, я наказана. Только я не Юлия, я – Джулия.

– Прости, но так написано в бумагах.

– Это по документам. Когда б попалось имя мне в письме, я разорвала бы бумагу эту в клочья!

– А-а-а, – вожатый напрягается, а потом, к моей безумной радости, выдаёт: – Что значит имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови её, хоть нет.

Ух ты! Да он с полуслова разгадывает загадки! Такое происходит со мной впервые. Я теряюсь: тысячи мыслей и чувств яростной хакерской атакой пронзают сердце и лишают меня защиты.

– Роман Анатольевич, а я не курю, – говорю сбивчиво и совсем невпопад.

Он не удивляется:

– и я не курю, глупо за свои же деньги гробить здоровье. Правда?

– Правда. Это я к тому, что у нас в школе девчонки курят, а если не куришь, значит, ты человек второго сорта.

– Глупости, люди не делятся по сортам. Они бывают разные: добрые или злые, успешные или неуспешные…

– А вы успешный? – тороплюсь перебить я.

– Пока невезучий, – он усмехается. – Должен был этим летом уехать на работу в американский лагерь в Техасе, но мне отказали.

– Из-за возраста?

И зачем я это спросила? Вот дура! Но он не обиделся:

– Они не объясняют причины, просто не дали визу и всё.

– и тогда вы решили назвать наш отряд «Техасом»?

– Да, Техас – это моя мечта!

– А моя – Голливуд, это где-то рядом.

Я улыбаюсь. Звёзды перемигиваются мильонами глаз и манят меня через Вселенную. Светящиеся звёзды, вы знаете, что я чувствую!

– Не повезло американцам! Зато повезло нам! – хитро глянула на Романа.

– Спасибо за комплимент. Не верю, но приятно, – улыбается в ответ вожатый.

Некоторое время мы стоим молча. Иногда не обязательно много говорить, молчание может сказать намного больше – например, о том, что в этот самый момент между двумя людьми зарождается доверие.

Моя американская мечта нарисовалась на небе звёздами штатовского флага, и я вспомнила, как после Нового года Лизка подбила меня написать статью, которая называлась задиристо и смело – «Пять причин, по которым я хочу покинуть Россию». Я была уверена, что откровенные смелые тезисы вызовут дискуссию и непременно прославят меня как автора. Статью я забросила в редакцию республиканской газеты, а она вернулась бумерангом обратно и долбанула меня по мозгам, поскольку я по дурости и неопытности подписалась настоящим именем, да ещё и школу указала. Произошёл скандал, не международный, конечно, а локальный, внутришкольный. Дискуссии не случилось. Директор сделал внушение нашей классной, классная объявила на родительском собрании, что мой необдуманный поступок лёг пятном на репутацию школы. Отношение ко мне сразу же изменилось: Хрулёва и другие овощи при виде меня демонстративно отворачивались и шептали вслед какие-то гадости. Удивительно, но основная мысль статьи, которую я тупо выразила в заголовке, так никого и не взволновала, все почему-то решили, что я по злобе охаяла школу и учительский коллектив. Никто не пожелал выслушать мои объяснения; приговор был вынесен, а «преступнице» отказали в последнем слове. Есть подозрение, что никто так и не прочёл толком мою заметку. Один лишь папа почему-то остался доволен. «Юлька, ты вся в меня. Учись держать удары, в тебе задатки настоящего журналиста», – сказал он и добавил, что гордится мной. Это меня тогда здорово поддержало и укрепило в мысли стать главным редактором журнала. А приговор привести в исполнение так и не удалось. Когда на классном часе Лия Васильевна предложила осудить проступок «одной из наших учениц», с задней парты раздался уверенный басок Севы, отчаянного баламута и двоечника, слаломиста-горнолыжника и моего верного друга: «А мне насрать, Джулия – мой друг!» Классная оторопела от Севиной наглости, наступила минутная пауза, хоть рекламу включай, и тут произошло такое, отчего я потом долго смеялась: Лизка, которая всегда ловко увиливала от наказаний за наши совместные шалости, в наступившей тишине робко произнесла: «И мне…». «Что «и тебе»?» – удивилась классная. Лиза встала из-за парты и, глядя в пол, дрожащими губами закончила: «Насрать». Лия Васильевна собрала вещи и вышла из класса. Тыковка было дёрнулась за ней, да Вова, сидевший сзади, придержал её за косы: «Тпру, лошадка!» Через неделю об инциденте предпочли забыть и всё пошло по-прежнему.

Я рассказала эту историю Роману, и мне было приятно, что в первую ночь моей новой жизни со мной рядом старший товарищ, который умеет слушать.

– А что это за пять причин? – спросил он, когда рассказ был закончен.

– Да так, глупости, вам не понравится, не хочется вспоминать сегодня. Может, в другой раз?

– Ну вот, заинтриговала… Это как ребёнку показать конфетку и не дать, – разулыбался Роман. – Скажи, Джулия, а если б сейчас упала звезда с неба, какое бы чудо ты загадала для себя?

– Я бы не хотела чуда, – ответила я, – чудес мне на сегодня и так хватило. Я бы хотела, чтобы хоть кто-то из взрослых наконец-то научился понимать правильно мои чувства, дела и поступки. Можно, я буду называть вас Рома?

– Только между нами, Джулия, – Роман протянул мне руку. – А теперь иди спать, я освобождаю тебя от наказания.

«Прощай, прощай, а разойтись нет мочи!» – я вернулась в палату счастливая. «Я очень ценю доверие и не подведу тебя, Рома! – шептала, засыпая. – Dream sweet dreams for me, dream sweet dreams for you».

3

А утром Людмила устроила нам мелкую пакость. Не сама, конечно, а через подлую Тыковку, которой места по понятной причине в палатах не досталось, и она заселилась в вожат-

ской в качестве «адъютанта её превосходительства»; вела себя так, словно она командир отряда, хотя никто её на эту должность не выдвигал.

– Хрулёва, назначьте на сегодня дежурных, – донёсся из-за дверей недовольный голос, едва прозвучал подъём.

Сомнений не было: первое и самое ответственное дежурство выпадало на нашу троицу. Дежурство заключалось в том, что, пока все идут на зарядку, нам предстоит вымыть полы на своей половине корпуса. После того как зарядка закончится, нужно поспешать на завтрак, а потом спешно домывать веранду. Но нам никак не удавалось успеть: все мешались, ходили взад и вперёд за вещами, и мы решили, что сначала домоем всё, как положено, а потом уже со спокойной душой пойдём завтракать.

Старательно исполнив обязанности, вбежали в столовую. Все в новеньких отглаженных шортиках, пилотках и оранжевых лагерных галстуках. Радостные и довольные, в самых лучших ожиданиях. Не зря же говорят: «Голод – лучший повар», – с каким наслаждением вдыхали мы ароматы простенького лагерного омлета и какао! Однако повариха на раздаче оказалась не в настроении и решила свредничать. «Опоздали, значит, ничего получите, привыкайте к порядку!» – таков был смысл её неожиданной брани. Что и говорить, подобного поворота событий мы никак не ожидали и в недоумении уставились на нашу вожатую, которая была здесь же, но она сделала вид, что ничего не заметила, отвернулась и даже не попыталась заступиться за нас.

Мы вернулись в палату понурые и несчастные. Честно сказать, слёзы на глаза наворачивались, так обидно было. И тут, смотрю, девчонки из палаты, ничего не говоря, стали скидываться: у кого был зелёный лук, у кого – карамель, у кого-то кусочек хлеба завалялся, и всё то богатство было предложено нам. Подумать только, никогда я не ела ничего вкуснее зелёного лука с карамелью! с благодарностью я смотрела на девчонок из нашей палаты. Вот Ася, пигалица с короткой стрижкой типа «я у мамы дурочка», которая раздражала меня тем, что никогда не расставалась с наушниками, слушала отстойную музыку, при этом каждые полтора часа звонила матери и громко, чтобы все слышали, докладывала, что с ней происходит, не забывая повторять, как хорошо ей в лагере. И сразу же по приезде портрет мамы на тумбочку поставила. (Я посмотрела как-то внимательно, не взрослая женщина, а девушка невзрачная на фото, и улыбка неестественная, натянутая – так бывает, когда фотограф просит улыбнуться.) А при всём при том не скажешь, что Ася маменькина дочка. Конечно, она доставляет определённые неудобства, зато сколько в ней скрытых достоинств! Или вот взять Алсушку – совсем неприметная девчонка, переживает, что у неё волосы редкие, и завидует мне. А если разобраться, то совсем и не редкие, просто тонкие очень. Веснушек, конечно, у неё могло бы быть и поменьше, но я читала, что некоторые парни от этих, на первый взгляд уродливых рыжих крапинок прям с ума сходят. Так что, как говорится, всё относительно. Я жевала карамель с зелёным луком и понимала, что теперь мы связаны одной цепью, никогда я не предам новых подруг, а если кто попытается их обидеть, то, как волчица, перегрызу обидчику глотку.

«Для начала Людмилу будем игнорировать – не замечать её и не слышать», – предложила я план мести. А насчёт Ромы договорились так: если он попытается проявить строгость – будем слушаться и притворяться, что безумно боимся его.

Наш план был донесён до мальчишеской палаты и утверждён на высшем уровне самим Йоршиком, которого я вчера так нелепо короновала на царство. Светило в окно утреннее солнышко, и настроение поднималось.

* * *

– Адель, что такое любовь? – задала я Лизкин вопрос подруге. Она ответила не задумываясь и совершенно по-философски: «Любовь – это игра, исход которой либо осчастливит, либо навсегда оставит боль в сердце». И где только набралась такого?

– Любви нет, – вмешалась Эдита. – Её придумали себялюбивые ничтожества, чтобы можно было пострадать и пожалеть себя напоказ.

– Ага, – неожиданно подтвердила Ася, снимая наушники (ох и хитрая бестия, а делает вид, что, кроме попсы, её ничего не волнует), и добавила лукаво: – Потом этих подонков стали называть поэтами и писателями.

– А я бы влюбилась, только не знаю как. И, если честно, то не в кого. Разве что в Романа Анатольича, – расхохоталась Алсу, и веснушки её засветились, разбежались тонкими лучиками. – Давайте попробуем!

– Романа не трогать! – встрепенулась я, и Алсу понимающе возвела руки к небу, вернее – к потолку.

Я посмотрела на неё и помотала головой. «Нет, – сказала я не вслух, а только глазами. – Твои подозрения ошибочны, ничего нет». «Не будем спорить, правда все равно откроется», – её губы также остались неподвижны, но в красноречивом взгляде отразились коварные мысли.

– Что ж, тогда давайте поиграем в любовь, – предложила Адель (она выдумщица и заводила не хуже меня). – Пусть у нас каждый день будет Днём святого Валентина.

Мы с радостью согласились, не предполагая, к каким последствиям может привести неразумный порыв, и с этого момента начали бурно осыпать знакомых валентинками. Наша игра оказалась заразной, быстро вышла за пределы отряда, и вскоре обмен валентинками превратился в повальную эпидемию. Только и разговоров было, кто кому когда и где что подарил. Зараза распространилась и на персонал. Как мало, оказывается, нужно людям для счастья. Подумать только, старший вожатый Жора с восторгом рассказывал, как за один день получил пятнадцать валентинок, раскладывал их на столе и хвастался перед друзьями-товарищами незамысловатыми сокровищами. Людмилу мы не любили, но и она каждый день получала причудливые валентинки. Эти валентинки были потрясающе красивы, у меня не хватило бы ни ума, ни фантазии их так разукрасить. Конечно, подозрение в первую очередь пало на подхалимку Тыковку, но трём «А» – Адель, Алсу и Асе – удалось подсмотреть тыквенное производство, и стало понятно, что уровень её художественных возможностей не позволял изготовлять шедевры, которые получала вожатая.

Тем не менее, всё было прекрасно, пока не случилось нечто, повергшее меня в смятение. Однажды ночью я проснулась от плача. Оказалось, что Адель, чья кровать находилась рядом, тихо рыдала в подушку. Испуганная, я дотронулась до её плеча и спросила:

– Кто тебя обидел?

Она приподняла голову, заревела ещё громче, а потом сквозь всхлипы пожаловалась:

– Прикинь, кажется, я доигралась. Я люблю его!

– Кого? – удивилась я, искренне недоумевая, поскольку всегда была рядом с Адель и никаких признаков влюблённости не наблюдала.

– Помнишь, вчера прикалывались над парнем из четвёртого отряда в синей футболке?

«Факин шит!» – выругалась я про себя и спросила:

– Тот придурковатый лох с выпученными глазами?

– Угу. Видно, моя судьба – влюбляться в одних лохов, – и она снова уткнулась в подушку.

М-да, действительно, любовь – это игра, которая никогда не надоест. Sweeter than honey and bitter as gall, Cupid he rules us all.

* * *

Всю ночь я ломала голову, как помочь моей несчастной подруге, но заснула, так и не придумав ничего путного.

Утром после зарядки, как всегда, построение – перед тем как попарно отправиться в столовую. Строем, разумеется.

– Нале-во! – командует Людмила уверенным, хорошо поставленным голосом.

Который день уже мы игнорируем приказы: пол-отряда неохотно поворачивается – кто направо, кто налево, – другая половина будто не слышит: одни шнурки на кроссовках завязывают, другие о чём-то оживлённо беседуют. Вожатая краснеет; кажется, вот-вот взорвётся; она понимает, что это саботаж, но не хочет признавать очевидного и выглядит весьма обескураженно. Старший пионервожатый, глядя на всё это безобразие, прикалывается над Людмилой – похоже, красавец и весельчак Жора – наш союзник. Но тут из корпуса появляется Рома, идёт мимо нас быстрыми шагами, глаза под ноги, и, тихо так чертыхаясь, недовольно бубнит: «Ну чё встали? Повернулись и пошли!» – и дальше себе чешет не оборачиваясь. Уговор помогать Роме срабатывает мгновенно, делаем вид, что жутко боимся его начальственного гнева, и дружной колонной маршируем следом:

Все в «Берёзке» знают нас,
Лучше всех отряд «Техас»!

Не вижу, но чувствую, как Рома смущается и краснеет. Ничего, пусть привыкает к популярности. То ли её будет!

Наш отряд идёт вслед за четвёртым, и я наконец замечаю объект поклонения Адельки.

– Как зовут этого красавца? – спрашиваю.

– Кажется, Артур, – отвечает Адель.

«Кажется, – повторяю удивлённо и ворчу про себя: – Действительно любовь, даже имя не уточнила».

– Пирожков, что ли?

– Не думаю.

– Неужели король Артур? – пытается сыронизировать Эдита.

– Ладно, для начала давай попробуем привлечь его внимание, – предлагаю я и, как идиотка, иначе не скажешь, начинаю во весь голос орать камедиклабовскую песню: – Артур Пирожко-ов наставит мужу рожко-ов!

Все оглядываются на сбрендившую девчонку – все, кроме самого Артура. Мне уже неудобно как-то, но, раз ввязалась, надо продолжать, успех должен быть где-то рядом.

– Артур Пирожко-ов! – воплю я, безбожно разрывая связки.

– Больная, что ли? – спрашивает, не выдержав, Гусь и крутит пальцем у виска, намекая на моё слабоумие.

– Нет, уже лечусь, – успеваю ответить и снова: – Артур Пирожко-ов…

Однако мои героические потуги остаются безуспешными, но зато как весело мы доходим до столовой!

После завтрака Людмила объявляет, что сегодня в лагере День сказок. Участвуют, разумеется, все, но четырёх девочек, самых достойных, нужно направить для костюмированного представления. Этими счастливчиками будут… Надо ли говорить, что Тыковка оказалась среди счастливчиков?

Целый день «белая раса» наряжалась в замысловатые сказочные наряды, ходила важной, расфуфыренной и что-то там репетировала. Но, если честно, нам было не до них, мы в это время готовили важное мероприятие: Аделька должна была создать лучшую в мире валентинку, которая будет в разы красивее тех, что дарит неизвестный поклонник нашей мегере. В обед Адель преподнесёт её своему Артуру, и пусть только попробует не растаять лёд в его сердце. Ах как старалась «палата №6», в мозговом штурме рождая массу ценных советов! Ах как старалась Адель! Перепробовала уйму вариантов, извела массу бумаги и в который раз, прикусив нижнюю губу, вырисовывала невиданные доселе узоры. Чего только не делает любовь с человеком!

В столовую мы отправились чуть пораньше, поскольку дежурили – накрывали на столы. Здесь и должно было случиться тщательно запланированное чудо. Предполагалось улучить удобный момент, когда Артур появится в дверях, отвлечь внимание его друзей, и тогда Адель с присущей ей девичьей стыдливостью вручит ему знаменательную валентинку. Ах как затрепещет его встревоженное сердце! Ему откроется движение чувств и восторженное дыхание очаровательной поклонницы. Аделька же, прирождённая скромность, поспешит удалиться, но парень остановит её, придержав за руку. «Кто вы, милая девушка? – спросит он. – и чем я обязан такому чуду?..» Примерно таким был сценарий будущего действа. А пока валентинку нужно было спрятать. Разумеется, как оно и бывает в романтических историях, Адель схоронила её на груди, у сердца, в своём бюстике. Нет для валентинки места более надёжного и правильного.

* * *

Пока мы «пахали» в жаркой душной столовой – подметали, накрывали на столы, расставляя посуду, – в несказанно красочных костюмах, на каблуках, прохаживалась с задранными носами наша элита. Красавицы, что и говорить. Тыковка вырядилась Василисой Прекрасной, а может быть – Премудрой, поскольку на Прекрасную не очень тянула. Задача новоявленных артистов была несложной: встать перед дверьми столовой и загадывать хитрые загадки пришедшим на обед отрядам, пропуская к столам только тех, кто даст верные ответы. Какой умник придумал такое сногсшибательное развлечение, можно только догадываться, но представьте: перед столовой выстраивается толпа голодных людей, на столах стынет обед, а никого не пускают. И вот стоит наша красавица Тыквочка перед честным народом и загадки загадывает:

– Сидит девица в тёмной темнице, а коса на улице. Отгадайте, что это?

– Это Людмилу Петровну в вожатской заперли, – зло ёрничает голодный люд, толкаясь в дверях.

Тыковка пытается контролировать ситуацию и загадывает что попроще:

– Сто одёжек и все без застёжек. А это что?

– Гардероб стриптизёрши, что ли? – Атмосфера накаляется, и в выражениях никто не стесняется.

Тыковка растеряна, не знает, что делать, а вожатой рядом нет, чтобы помочь.

– Ребята, отгадайте, кто я? – заискивающим голосом Тыковка просит поддержать её игру.

– Баба Яга! – дружно, в один голос вопят ребята, отталкивают её в сторону и звонкими ручейками просачиваются в столовую. И мы, все, которым не суждено было покрасоваться в сказочных нарядах, чувствуем себя отомщенными.

Но некогда радоваться мелочам жизни, в ворвавшейся толпе мы ищем предмет наших страданий и активно вращаем головами во все стороны. А вот и он – Oh, you could find better things to do than to break my heart again! А что? В общем-то, неплох кавалер. Жаль, что он сам об этом не догадывается. Сейчас тебе всё откроется, счастливчик!

– Как ты думаешь, Эдита, может, пора? – спрашиваю.

– Вот сейчас в самый раз, – отвечает та, откидывая со лба слипшиеся от жары чёрные волосы, – пока он не подсел к друзьям, надо перехватывать.

Эдита делает условный знак Асе, Ася – впервые без наушников и даже матери не звонит, дело-то ответственное, – передаёт эстафету Алсу, Алсушка словно ненароком подталкивает Адель в спину. Ещё и ещё раз – сильнее. с укором смотрим на Адельку, у той, похоже, творческий шок.

– Девчонки, я боюсь, – выдавливает она, – вдруг не возьмёт и надо мной посмеётся.

– Не ссы! – шипим на неё угрожающе. – Складывай губки сердечком и вперёд к своему счастью!

Адель вздыхает и вялыми руками начинает доставать подарок. Но что это? Вероятно, валентинка намокла в жару от пота, и на наших глазах, как в замедленной съёмке, она разрывается пополам. Мы замираем в ужасе, и живописная картинка наша называется «Последний день Помпеи». Мы боимся пошевелиться и округлившимися глазами смотрим на Адельку. Её длинные, густо намазанные тушью ресницы хлопают, как у куклы, хлопают и хлопают, появляющиеся из-под них зрачки неподвижны, и нам становится страшно. «Сейчас она заплачет», – думаю я. Нет, она не заплакала – заревела в рёв, о май гя-ад, на глазах у принца своей мечты. Наверное, так выли сирены над блокадным Ленинградом. Тушь вмиг чёрными молниями пропахала-обезобразила бледное лицо Адель, и напомнила мне она чёрно-белого Элиса Купера, стоящего на сцене в мелькающих лучах юпитеров. Пока мы тормозили, сбежались девчонки из нашего отряда, и увели Адельку в палату, и принялись успокаивать кто как может.

Можно ли успокоить человека, когда у него трагедия? Когда некуда больше жить? Когда отчаяние охватывает, и держит мёртвой хваткой, не давая пошевелиться, и душит… Я теперь точно знаю, что можно. Мальчишки наши, которых мы и за людей-то раньше не считали, сделали это. А было так. Поначалу они, как любопытные твари, заглядывали в нашу палату, но мы их отгоняли. А потом у Адельки пошла кровь из носа. И мы запаниковали. Йоршик первым пробился в палату с мокрым платком, уложил Адель в постель носом кверху и давай оттирать кровь, прям медбрат, трогательно так.

– Кровь – это не страшно, – сказал он. – Не надо бояться.

– Лёра, – позвал он Валеру Васильева, длинноволосого прыщавого парня, – ну-ка, дай мне по носу.

А Лёра с виду – прирождённый дантист, попадёт по зубам – не соберёшь. Он даже не удивился неожиданной просьбе, по-китайски сузил глаза и резким выпадом – привычное дело – нанёс короткий удар. Кровь из разбитого носа потекла на пол. Девчонки отскочили в стороны и молча вытаращились на придурков – не каждый день творческий шок настигает дважды в течение часа. Лёра, довольный произведённым эффектом, попросил:

– Я тоже хочу кровь из носа.

Йоршик аккуратно исполнил просьбу новоявленного героя. Что тут началось!

– Я тоже хочу кровь! – длинноногий Гусь склоняется к щупленькому Гоше и с нескрываемым удовольствием принимает пару тумаков.

И пошла цепная реакция! Вскоре все мальчишки стояли перед Аделькиной кроватью, с гордостью демонстрируя расквашенные носы и размазывая кровь по щекам.

– Это вы для меня? Чтоб поддержать? – Адель уже не ревела, она успокоилась и погладила Йоршика по разбитому носу. – Не надо было, – улыбнулась она.

Её улыбка вывела нас из оцепенения, все радостно загалдели. Ася схватилась за телефон и стала названивать матери, а Гусь, довольный, помчался куда-то мимо меня, и я не удержалась от искушения: совершенно автоматически выставила ножку, надеясь, что он заметит и перескочит, но он не заметил и не перепрыгнул, а зацепился и «взлетел», смешно размахивая руками, как крыльями, а потом рухнул подстреленной птицей. Это был явный перебор с эмоциями – я убежала и спряталась. Так, на всякий случай. Мы подростки, мы сначала делаем, а потом думаем. И ещё у нас бывают прыщи.

* * *

Перед ужином пришёл Роман. Посмотрел на разбитые физиономии, неодобрительно покачал головой. Потом заговорщицки подмигнул и сказал: «Будем делать флешмоб – самый современный способ повеселиться самим и повеселить других». Мы окружили нашего любимца: «Это как?» Оказалось, всё просто: во время ужина он даст секретную команду, и мы, девчонки из пятого отряда, разбежимся с вытаращенными глазами по столовой с криками:

«Хомячка не видали?» – будем наблюдать глупую реакцию на нашу выходку и, по всей видимости, веселиться.

Стали представлять, как это сделать лучше, и начали готовиться, чем совсем отвлекли Адель от грустных мыслей. Мне спутали волосы, навтыкали туда разный мусор, после чего я стала похожа на круглую идиотку. К слову, и другие выглядели так, словно они только что из психушки. В таком забавном виде мы и отправились в столовую.

Поужинали первыми второпях и стали ждать. Распределили, кто побежит к младшим отрядам, кто к старшим. Наконец настал час «Ч». Мне зачем-то сунули в руки книгу, которая называлась «Страх». Жду. И вот Рома поднимает поднос, неожиданно роняет его на пол и кричит кодовые слова: «Клетка открыта!» и в этот миг мы бросаемся в разные стороны с воплями: «Хомячка не видали?» Это я думаю, что все бросаются в разные стороны, на самом-то деле мои подруги струхнули и дружно побежали к малышне, одна я рванула к старшикам. Как идиотка! Некоторые из них включались сразу и подыгрывали, кто-то реально верил и не врубался в происходяее, а один парень на стул встал – от страха, как он сказал. Врал, наверное. Я от волнения плохо соображала, и чёрт меня дёрнул добежать до вожатского стола и спросить у мирно ужинавших взрослых: «Вы хомячка не видали?» Они дружно повернулись ко мне. Никто не веселился, и – о май гяд! – на меня с насмешкой смотрела Людмила:

– И вы участвуете в этой безвкусице, Юлия? Кто придумал эту дрянь? – глаза вожатой искрятся, как у кошки перед «Китикэтом».

Хлёсткие слова – будто пощёчина, и я краснею.

– Меня зовут Джулия! – отвечаю дерзко и, расстроенная, плетусь к своему столу.

На этом флешмоб, в общем-то, и закончился. Я пришла в себя, когда услышала смех подруг, обсуждавших веселье, восторгам не было конца. Рома беседовал за соседним столом с каким-то крупным мужиком в серых брюках и белой рубашке – начальником лагеря, кажется, – наши взгляды встретились, он улыбнулся и помахал мне рукой. У меня отлегло от сердца, это был хороший знак.

4

Ночью никак не спалось: духота царила в палате даже при открытых окнах. Ждали, пока мальчишки за стеной угомонятся. Наконец у них всё стихло. Похоже, заснули. Выждали ещё минут десять-пятнадцать.

– Что, пойдём? – спросила Адель.

– Пойдём! – откликнулись мы дружно.

Ася, правда, струхнула, и её решили оставить на шухере. Ну ладно, пошли. Потихонечку прокрались к мальчишкам в палату. Для начала обмазали их зубной пастой и думаем: «Это же слишком примитивно. Что бы такого ещё сделать?» Потом перепутали обувь у входа, связывая её вперемешку шнурками. с собой у нас были иголки и нитки, и всё, что из одежды находили в темноте, старательно сшивали вместе. Под конец натянули между кроватями верёвки. И вдруг в самый ответственный момент Гусь, рядом с которым я как раз суетилась, просыпается, приподнимается и садится на кровати. Сердца наши замерли. А он громко так: «Мы балдеем». И тут же плюх – и обратно спать. Обошлось! Но столько страху пережили!

Где-то в четыре утра или даже в пять последовал ответный визит. Видимо, кто-то из мальчишек проснулся, обнаружил диверсию. И хотя мы ожидали коварных действий «противника» и старались не спать, сон нас всё же сморил. И мы проснулись только оттого, что мальчишки топали как слоны. Но у них с фантазией было плоховато, поэтому они в основном намазали девчонок пастой, а кому-то ещё и одеяло испачкали. Мы с Аделькой довольные такие: «А нас не намазали!» А потом вдруг как стало стягивать кожу на лице! – мы поняли, что жестоко ошиблись, и пошли умываться. В пять утра. В это время старший вожатый Жора возвра-

щался откуда-то, на нас посмотрел – хах! – и в восторге вытянул большой палец: «Во!» Гляжу на Адельку, а у неё сердечко на щеке нарисовано – оригинальная, прямо сказать, валентинка.

В результате ночных мероприятий все проспали и опоздали на зарядку, за что наши вожатые получили выговор. Бедный Рома, нам совсем не хотелось подводить его.

* * *

Людмила злилась, и её новая выходка оказалась, мягко сказать, подлой. Мелкие гадости, я думала, – удел стервозины вроде Тыковки, но никак не взрослого человека, а тем более вожатого. Но обо всём по порядку.

В очередной безумно жаркий день нам выпало играть в пионербол с командой соседнего лагеря, находившегося совсем неподалёку. Назывался он незамысловато и совершенно антонимично нашему – «Дубки».

Мы пошли туда пешком. Это километра четыре, наверное; в принципе – недалеко, если б не бурная бессонная ночь. Команда была большая, в неё ещё запасные входили, и группа поддержки, и вожатые, разумеется. Нас с Аделькой, единственных из пятого отряда, включили в сборную, все остальные девочки были старше – из второго. Они сразу же стали относиться к нам надменно-презрительно и попросту делали вид, что не замечают нас. Меня это бесило, но Адельке было наплевать, она играла неплохо и всеми силами старалась попасть в команду. К сожалению, я поздно поняла почему, иначе бы не согласилась на безумную авантюру. А ларчик открывался просто: её Артур, видите ли, репетировал с группой поддержки. Так она, дурочка, решила выпендриться перед ним!

В «Дубках» нас встретили приветливо, показали лагерь, от души напоили-накормили. А чуть позже произошёл этот самый злополучный «дружеский матч», после которого старшики, эти двуногие ничтожества, прозвали нас неудачниками и заклевали совсем. Хотя, если честно, то они и сами не в меньшей степени были виноваты в провале игры. С самой первой партии старшие девочки повели себя так, будто нас и не существует на поле. Понятно, что в такой ситуации Адель было трудно отличиться. И, несмотря на то, что ей удалось заработать несколько очков, это её не устраивало: кумир стоил эффектного зрелища. «Дубы – на гробы!» – старалась наша группа поддержки. «А берёзы – на кресты», – парировали дубковцы-дубкари-дубкачане, и первую партию мы сдали поразительно быстро. Во второй, помню, носилась как сумасшедшая за мячом, словно в собачки играла. И вот вижу, как умопомрачительный кручёный мяч мчится на меня через сетку, и я ловлю его. «Сюда мяч!» – орёт белобрысая Маринка из второго отряда, но я отпрыгиваю в сторону и ловко мимо этой стервы делаю передачу моей подруге – пусть наконец блеснёт. Мяч летит к ней, но Адельке не до игры, её взор где-то там, за площадкой, у зрителей, где любимый Артур. Мяч бьёт её по лицу, и зрители стонут. «Эх ты!» – это голос Артура. Я смотрю на побледневшую Адель, её надо менять, она больше не соображает, упрёк любимого человека сковал её движения, глаза пусты и бессмысленны. «Замените её!» – ору я гневно, и все смеются. Непонимающе смотрю на судей, мне показывают счёт. Всё! Игра сделана. Я – лузер… Мои слёзы капают, как с неба дождь.

Обратно шли через Дёму – речку не очень широкую, но глубокую. В жару оказаться рядом с рекой наслаждение: воздух пропитан свежестью, и дышится легко, о проигрыше стараемся не думать. «Залезть бы сейчас в реку», – думаю, когда достигаем пляжа. И вдруг ребята весело бросаются в воду – смех и брызги, – Людмила совсем не препятствует «безобразию». Оказывается, она всех предупредила о том, что мы пойдём на Дёму купаться, а нам с Аделькой ничего не сказала, и у нас купальников-то нет с собой. «Почему?» – негодую я. А она: «Я всем говорила, надо было слушать». Нам очень обидно. Людмила, наверное, злорадствовала. И мы как оплёванные отправились в лагерь самостоятельно. Хотя что это я вру? Очень быстро нас догнал Рома. Не стал из-за нас купаться, догадалась я. Долго шли молча берегом реки. «Смотрите!» – остановился Роман, и мы увидели маленькое чудо: дикая уточка вывела на прогулку

утенят, и они плыли плавно, размеренно и почти бесшумно, и только один непослушный утёнок в конце процессии восторженно бил по воде крылышками. Мы с Аделькой посмотрели друг на друга и рассмеялись, но не оттого, что утёнок был такой смешной, нет, – Рома, с открытым ртом уставившийся на выводок птенцов, был необыкновенно забавен. И правда, Рома, куда деваются утки, когда вода замерзает?

* * *

Вечером, после ужина, позвонила Лизка из Египта. Я ей обрадовалась очень, бросилась рассказывать, что у нас здесь творится, но она не слушала, а щебетала своё: в Египте ей скучно с родителями, Египет – отстой, антицивилизация, цивилизованная страна – Америка, а Россия где-то между Египтом и Америкой, лучше бы она сейчас была со мной в лагере. Да, вместе мы бы проучили Людмилу, нам не впервой. «Но зато сколько здесь чёрных и смуглых, – трещала Лизка, и я разулыбалась: она помнит о моих предпочтениях. – Я записала несколько контактов, мы потом по скайпу с ними свяжемся, тебе понравятся. Особенно этот мулат с Ямайки!» Проговорили долго, пока её мобильник не вырубился.

Ночью опять не спалось. Аська втихаря разговаривала по телефону. А мы стали рассказывать страшилки. Я же будущий журналист и сочиняю их с ходу. Про чёрную руку из тумбочки, человеческие ногти в пирожках столовских и прочую ерунду. Особенно удавались истории про инопланетянина – начальника лагеря, в котором каждую ночь пропадал ребёнок в течение смены, по одному из каждого отряда, а в двадцать первый день…

– Нет, не нужно про инопланетян, – просит Адель, – расскажи лучше про рыжую.

Рыжая, или огненная, Оксана, – любимая тема лагерных посиделок. История примитивная, но почему-то никто не остаётся к ней равнодушным: и в младших, и в старших отрядах нет-нет, да и находятся счастливчики, которые слышали этот рассказ от самих участников событий. В общем, несколько лет назад в отряде из мелких отдыхала рыжая девочка-изгой, Оксаной звали. Все над ней издевались, поэтому она любила уединение и обычно подолгу каталась в одиночестве на качелях. Почему-то так получилось, что соседей по палате стали раздражать её рыжие волосы, и однажды, когда она спала, жестокие соседки по комнате выстригли её огненные пряди, напрочь изуродовав причёску. Оксана прорыдала всё утро, а потом повязала оранжевый галстук на голове как бандану, тихо вышла из комнаты и больше уже не возвращалась. Когда её хватились, стали искать и нашли мёртвой возле сломанных старых качелей: девочка сорвалась с них и свернула себе шею. А в следующую смену вдруг стала являться в отдалённых, глухих уголках лагеря девочка с огненно-рыжей банданой на голове. Те, кто её видел, рассказывали, что шла она им навстречу как слепая, вытянув руки, а чуть в отдалении, за её спиной, вырисовывались очертания сломанных качелей. Вот и вся байка, хотя надо добавить, что у тех, кто встречал огненную Оксану, впоследствии выпадали волосы. От страха, возможно, но вероятнее всего – такова была месть рыжей девочки. Честно говоря, я не запоминаю все эти дурацкие истории. Зачем? Когда просят повторить и напоминают сюжет, я искренне удивляюсь. Неужели это я рассказывала? Никогда такого не слышала! Нарассказывались, в общем, страшилок про руки-ноги эти чёрные, и тут в туалет всем срочно понадобилось. Кто-то шёпотом: «Я боюсь». Ей: «Да ладно, пойдёмте все вместе». Пошли гуськом по дорожке среди деревьев, фонари не горят, подходим к туалету, и в самый ответственный момент кто-то паническим голосом произносит: «Оксана!» или «Рыжая!» – и все с воплями оглушительными назад. И так несколько раз. А в туалет-то хочется. Тогда мы с Аделькой завернули под окна к Людмиле, а у той свет горит, и слышим голос её в раскрытое окно – говорит с кем-то, говорит об Асе: «Бедная девочка, отец всё время на севере, растёт одна с бабушкой». Мы так и замерли. «А мать?» – спрашивает невидимый собеседник. – «Матери нет, бросила её сразу же после рождения». Дыханье перехватило – смотрим с Аделькой друг на друга ошарашенно. А с кем же

тогда разговаривает Ася каждые полтора часа? Нам становится страшно. А ведь мы ни разу не слышали, как звонят Асе, зато она трещит в телефон безостановочно. Не иначе как шиз?

– Представляешь, она звонит целыми днями несуществующей матери? – Адель глубоко задумалась. – А ты давно звонила маме?

– Давно.

Вернулись в палату, достали из тумбочек телефоны и пошли на веранду звонить.

– Что случилось, ребёнок? – голос мамы спросонья встревоженный.

– Извини, что поздно, захотелось сильно услышать твой голос. Я люблю тебя, мама.

– Милый ребёнок, и я тебя люблю сильно!

– Мам, когда приедешь, привези с собой фото – то, где вы с папой. Хочу, чтобы вы были всегда со мной.

Когда мы вернулись, Аська ещё не спала: «Девчонки, в воскресенье моя мама приедет». Мы хранили трагическое молчание и только кивали понимающе. It gets harder every day, I don't know what to do.

* * *

А рано утром нас подняли по тревоге. Есть такая игра у вожатых – «Зарянка». В ней вожатые между собой соревнуются и всё куда-то бегут, выполняя задания из разорванных впопыхах пакетов, ориентируясь по компасу, а мы называемся поисковиками и таскаемся за вожатыми как бесплатные приложения, как тупые сонные муравьи за мамой-муравьихой. Победителям достаётся дополнительная порция столовского компота и какие-нибудь фрукты в придачу, но, честно говоря, нам глубоко фиолетово, придём мы первыми или нет. Невыносимо хочется спать.

Если б нас будила Людмила, никто б и не встал, наверное, не собрался бы так быстро и не рванул в бессмысленном порыве в лагерную рощу, не почистив зубы, не накрасив ногтей и даже не причесавшись. Но Рома для нас – авторитет, нельзя подводить его.

– Куда мы бежим? – спрашиваю Романа, колдующего над картой.

– Какая тебе разница?! – ворчит он. – Я и сам толком не знаю. Главное – собрать все спрятанные флажки на отмеченных точках и прибыть с отрядом в резиденцию Жоры – извините, в штаб лагеря – желательно первыми.

Следуем за вожатым, собираем флажки и через некоторое время достигаем небольшой округлой поляны, поросшей высокой травой, посреди неё находится виселица – так мне кажется спросонок, – но на самом деле нехитрое сооружение – это всего лишь старые сломанные качели.

– Где мы? – спрашивает Адель.

– На бывшей спортплощадке, – отвечает вожатый. – Здесь когда-то девочка убилась – с качелей упала, свернула себе шею, поэтому место забросили.

И тут чёрт меня дёрнул спросить:

– Оксана?

– Рыжая? – побледнела Адель.

Роман не успел ответить. Раздался визг, всполошивший безмятежность раннего утра, поднявший ворон с окрестных деревьев и загнавший кротов поглубже в землю, – девчонки моментально проснулись и дёрнули наутёк, причём настолько быстро, что никто, казалось, даже не осмыслил ситуацию.

– Вы куда? – удивился Йоршик и помчался за ними, мальчишки рванули за предводителем.

На поляне остались лишь мы с Романом, и я растеряна. Могла ли я мечтать о таком? Сейчас Рома подойдёт ко мне и возьмёт меня за руку: «Я ваших рук рукой коснулся грубой, чтоб смыть кощунство, я даю обет: как два смиренных пилигрима, губы сотрут лобзаньем свя-

тотатства след». – «Любезный пилигрим, ты строг чрезмерно к своей руке – лишь благочестье в ней. Есть руки у святых: их может, верно, коснуться пилигрим рукой своей». – «Даны ль уста святым и пилигримам?» – «Да, – для молитвы, добрый пилигрим». – «Святая! Так позволь устам моим прильнуть к твоим – не будь неумолима».

Но, увы, действие стало развиваться по другому сценарию. Рома выглядел слегка обескураженным, но, тем не менее, не стал выяснять, причины столь неожиданного поведения своего отряда, лишь почесал в затылке и сказал:

– Ну всё, конец игре, я так и думал, накрылось наше первое место медным тазом. Людмила меня убьёт…

– А почему Людмила не на «Зарянке»? – спрашиваю вожатого.

– Она отдыхает, – отвечает он. – Мне хотелось, чтоб она выспалась.

– А ты не хотел, чтобы я тоже выспалась?

Вожатый молчит и, судя по всему, не собирается отвечать. Нет тебе оправдания, Роман!

– А ты почему не убежала?

– Мне не страшно с тобой.

Роман не реагирует на мою реплику, он откровенно расстроен.

– Я пообещал, что обязательно победим в сегодняшней игре.

– А мы разве не победили?

– Почти, – печалится Рома, – мы первыми нашли последнюю, общую для всех точку, оставалось только добежать до вожатской старшего пионервожатого и доложить о завершении миссии.

– Так чего мы ждём?

– А как я появлюсь без отряда?

В это время со всех сторон раздаются голоса наших соперников, стекающихся к поляне, и у меня в голове моментально рождается блестящий стратегический ход.

– Беги, собирай отряд, – говорю скороговоркой, – я задержу их.

– Как задержишь?

– Не твоё дело, – отвечаю резко. – Людмила будет довольна.

Роман понимающе смотрит в глаза, согласно кивает и стремительно исчезает за ближайшими деревьями: нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте…

Голоса раздаются совсем близко, поисковики из других отрядов подбираются к качелям, и тогда я снимаю оранжевый галстук, завязываю его банданой на голове и неожиданно появляюсь из высоких зарослей перед соперниками. Голова моя закинута назад, руки вытянуты навстречу к спешащим отрядам, а за моей спиной – сломанные качели. Меня заметили, и голоса на миг стихли, слышно было даже, как колотится сердце. «Почему они не бегут? Сработает или нет? – билась в голове тревожная мысль. Сработало: вдруг раздался резкий, душераздирающий визг, и вмиг наступило безраздельное царство паники и страха. С криками «Рыжая!» народ разбегался, безответственно проигрывая компот и фрукты.

И тогда мне взгрустнулось: известно, что любая победа неизбежно ведёт к невосполнимым потерям. A rose will bloom, It then will fade: so does a youth, so does the fairest maid.

5

Девки со второго отряда достали. Прохода не дают. Им лишь бы обсмеять людей, а самито ничуть не лучше. Вот и сегодня утром Маринка пытается позорить нас с Адель. Опять при Артуре – между нами, тупом баране, который так и не откликается на крик израненной души, – Адель скукожилась и всё стерпела, типа справедливо. Но я решила позлить мерзавок.

– Хотите тюльпанчик? – спрашиваю невинным голосочком.

Они не были готовы к нестандартному мышлению. «Компьютеры» старого поколения сразу же и глюкнули, что-то не срослось в их программах. Ушли в непонятках. А всё же просто,

если смотреть приличные фильмы. «Девять дюймов», к примеру. «Хотите тюльпанчик?» – означает «вам конец, готовьтесь к смерти, несчастные».

– Давай наплюём в их еду, когда будем дежурить в столовой, – шепнула Адель, терпеливо снеся обиду.

– Нет, – отрезала я твёрдо и продолжила довольно патетично: – Ты сейчас девушка в любви и не имеешь права опускаться до подлостей, иначе ожесточится сердце твоё. Но знай, что месть наша будет ужасной!

– Господи, помоги нам! – закончила Адель, возвела к небу ясные очи и развеселилась.

Я нахмурила брови: не больно-то люблю такие шутки. Но тут взошло солнце, и я сказала: «Всё в порядке!»

* * *

– Хватит уже играть во влюблённых, – неожиданно заявила Адель, – пора всех поженить.

Мы побросали свои занятия и столпились вокруг подруги.

– А как это – поженить?

– Сегодня, как вы знаете, в лагере ярмарка, и мы сыграем в дворец бракосочетаний, – и Адель разъяснила план действий.

Суть любой ярмарки заключается в том, что на ней можно заработать и, соответственно, потратить валюту. В качестве таковой в лагере выступали бумажные звёздочки. Каждый отряд готовил конкурсы, на которых можно было реально заработать «деньги», чтобы потом на них от души повеселиться: попрыгать на батуте, побить подушкой старшего вожатого, устроить на несколько часов «побег» из лагеря вместе с вожатым, покататься на такси, то бишь на машине начальника лагеря, купить сладости, мороженое и напитки – фантазии устроителей не было предела.

Адель предложила выдавать по звёздочке каждому, кто пожелает зарегистрировать свой брак на время лагерной смены. Идея была поддержана. Мы арендовали отдельную палатку, прикрепили на ней вывеску «Загс» и стали ждать клиентов. Поначалу никто не решался на откровенно безбашенный поступок, но как только народ расчухал, что можно на халяву, не выполняя никаких заданий, получить заветную звёздочку, повалил валом.

Адель женила всех желающих. Для того у неё имелись бланки устаревших грамот, которые в большом количестве раздобыл Рома. Аделька деловито вписывала в них имена и прозвища брачующихся, а потом торжественно объявляла их мужем и женой. Я честно помогала своей подруге, но потом устала. Отбою от женихов и невест не было, отмечались даже случаи многожёнства, и пресечь их не было никакой возможности.

Наконец Адель выдохлась.

– Ну всё, кажется, всех переженила, – сказала она, – лишь сама осталась старой девой, – и расхохоталась.

– Э-э, – возмутилась я, – кажись, ещё кто-то не замужем…

– А тебя мы выдадим за Рому, – обрадовалась Адель. – Роман Анатольевич, зайдите в палатку!

Я испуганно одёрнула подругу и прикрыла ей рот рукой.

Рома, проходивший мимо, оглянулся на нас и, разумеется, догадавшись, в чём дело, шутливо погрозил пальцем. «Мне надо удалиться, чтобы жить, или остаться и проститься с жизнью», – подумала я за него.

Разделавшись с загсом, мы поспешили тоже заработать звёздочки. Сначала приняли участие в конкурсе стихов. Нужно было придумать стихи о худруке – молодом долговязом парне, который только-только устроился на работу. Это был для нас лёгкий конкурс, мы вовсю дурачились, а рифмы, казалось, лезли сами на язык: худрук – длиннорук, близорук, тук-тук; худрук – бамбук, урюк, сундук; худрук – это друг, как физрук, военрук; худрук – паук, бурун-

дук, индюк; худрук – без подруг, недосуг, злой супруг… В конце концов мы дорифмовались до того, что нас прогнали, не дав ни одной звёздочки. А худрук на следующий после конкурса день уволился – не перенёс такой популярности.

Мне удалось взять реванш на армрестлинге. Здесь мне не было равных. Наш физрук Анатолий Павлович силён в этом виде спорта и научил меня многим хитростям настолько, что я умудрялась завоёвывать победные места для школы, пока однажды не вывихнула руку. Вывих прошёл, но мама устроила скандал и категорически запретила выступать на соревнованиях. Но здесь-то всё просто: ни мамы, ни сколько-нибудь подготовленных соперников, многие и руку не умеют правильно ставить. Поэтому стремлюсь победить в самом начале поединка, пользуюсь самым простым приёмом: после старта слегка притягиваю руку противника к себе, чем усиливаю свой рычаг давления, одновременно слежу, чтобы моё запястье оказалось выше запястья соперника, после чего его захват соскальзывает, и дальше ничего не мешает успешному завершению поединка. Адель мне радостно ассистировала, и мы заработали кучу звёздочек.

Потом мы отправились на конкурс караоке, вёл его Йоршик, он же отвечал за технику. Участники конкурса фальшивили ужасно, что меня необыкновенно веселило: в музыкалку я хожу с семи лет и в хоре пою довольно сносно, поэтому заработать здесь звёздочки для меня не составляло труда. С первого же раза я спела на семидесятипроцентное совпадение, опередив остальных игроков, и с гордостью ждала похвалы от подруги. Но Адель и сама захотела спеть. Я хорошо представляла, как она поёт, и в ужасе зажмурилась, хотя, честно говоря, надо было заткнуть уши, потому что пела она каким-то диким фальцетом, временами переходящим в бас-баритон, при этом ни разу не попала в ноты. Какого же было моё удивление, когда на табло появилась информация – совпадение девяносто процентов. Тогда она спела ещё – так же дико, но уже на сто процентов, а потом ещё и ещё… Мы получили кучу звёздочек, и Йоршик аплодировал Аделькe стоя.

– Как ты это делаешь? – я была в полном недоумении.

И тогда Адель раскрыла секрет: в караоке вовсе не обязательно попадать в ноты, не важно, есть у тебя абсолютный слух или нет, важнее – чувствовать ритм и чётко попадать в слова, меняющие цвет на экране.

– Лишь бы язык не заплетался, – добавила она и залилась заразительным смехом.

Я была довольна и радовалась тому, что моя подруга совсем не комплексует.

После караоке мы поспешили потратить нашу валюту. Адель накупила всяких сладостей, а я отдала все деньги за возможность посидеть в Интернете. Зашла на страничку «В контакте» и написала письмо Лизке. Короткое: «Знаешь, я только сейчас поняла, что в жизни можно чего-то не знать, чего-то не уметь – просто не обладать необходимыми способностями, но, для того чтобы быть счастливой, важно не выпадать из её сумасшедшего ритма и постараться спеть с нею на сто процентов…»

* * *

Середина лета, экватор. Про день Нептуна я была наслышана от подружек, которые в лагере не в первый раз, и всё мечтала поучаствовать в нём. Но ответственными назначили наших врагов – второй отряд. Что и говорить, мы им чертовски завидовали. Только представьте: каждый день в тихий час, когда мы вынуждены были притворяться спящими, они отправлялись на Дёму и типа репетировали – девчонки должны были изображать русалок, – а на самом деле загорали на речке и отрывались по полной. Маринка хвасталась, что им разрешают купаться, и нам оставалось мириться с нашим униженным положением.

И вот настал долгожданный день, когда должно было наконец свершиться великое водное представление; чуть ли не после завтрака «актёры» убежали на генеральную репетицию к реке, а сам праздник должен был состояться сразу же после тихого часа. Счастливые русалки уже

с утра ходили с глубоко подведёнными глазами – наверное, не одна коробка вожатских теней пошла на их, так сказать, макияж, – в зелёных волосах-париках из марли, крашенной в зелёные тона. И вот они, значит, умчались. Нам ничего не оставалось делать, как дожидаться окончания тихого часа. Но к назначенному времени небо, бывшее до того безоблачным и высоким, вдруг нависло над лагерем низким тяжёлым потолком иссиня-чёрных туч и через мгновение обрушилось грозовым ливнем на дороги и тропки, на леса, лужайки и речку, на жилые корпуса и хозяйственные постройки. Потоки воды, сопровождаемые вспышками молний и грохотом грома, заливали покрытую тьмой округу. В это время мы были на полднике в столовой, откуда местность от Дёмы до лагеря хорошо просматривается, и стали свидетелями необыкновенного спектакля: со стороны реки по грязной дороге бежали силуэты всякой нечисти – русалки, водяные, омутники – причём с них, когда они добежали до столовой, текло по волосам и лицам нечто зелёное и синее, всё это размазывалось… Они стояли в столовой босиком, с ног и до головы в грязи, мокрые и несчастные. Не надо никого осуждать: не смеяться было невозможно. Рома веселился с нами, хоть и сдержанно, Жора же откровенно валялся от хохота и бился в конвульсиях, словно его казнили на электрическом стуле. Людмила, естественно, нас не одобрила. Опозоренных русалок отправили в душ отмываться, а хохоту хватило до конца смены. Нечего и говорить, что праздник не состоялся, зато мы были отомщены и утешились незабываемым зрелищем.

* * *

После отбоя к нам в палату явился старший вожатый Жора. Оглядел всех озорным глазом и ткнул во всех поочерёдно пальцем:

– Ты, ты, ты, ты и ты – вы будете диверсантами. – и больше ничего не сказал.

Мы поломали головы – что бы это значило? – и уснули, а утром вроде ничего не происходило такого, из ряда вон выходящего, все пошли на завтрак, весь лагерь, как обычно. И только в столовой узнали, что сегодня «Зарница».

По рассказам, раньше в лагере «Зарница» проводилась обычно для галочки. Но в этот раз, похоже, всё было по-другому. Отряды ещё завтракали, когда к нам с заговорщицким видом подошёл Жора и, подмигнув, громким шёпотом приказал: «Диверсанты, выходите!» Мы вышли. А столовая, она рядом с воротами. У ворот стоял грузовик с толстым брезентовым тентом. «Диверсанты, залезайте!» – скомандовал Жора. И в тот момент, когда кто-то успел залезть в кузов, а кто-то ещё лез по лесенке, машина почему-то тронулась с места, оставшихся двух-трёх человек буквально закинули внутрь. Всего нас было человек пятнадцать-двадцать диверсантов, включая Жору. В машине сидела врачиха с чемоданчиком и ещё несколько взрослых из администрации лагеря. Не успел наш грузовик вырулить за ворота, как раздались громогласные вопли: «Лагерь, вставай, в ружьё, диверсанты смылись!»

Нас повезли к озеру с загадочным именем – Акманай. Туман ещё стоял над землёй, и место там влажное, росистое было. Ладно ещё мы в куртках – на них тут же какие-то погоны нашили, а потом всех собрали в кружок и объявили: «Вот вам флаг, вы его должны хорошо спрятать». И сами мы должны были спрятаться. А в этот момент было видно, как в лучах только-только поднимающегося солнца вереницей продвигается в нашем направлении весь лагерь. Мы маялись минут сорок, не зная, чем заняться, даже присесть некуда – до того сыро, но скоро туман начал потихоньку подниматься выше, рассеиваться, и взошло ярко-красное солнце.

Мы с нетерпением ждали, когда же эти дойдут до нас. И когда первые преследователи подошли достаточно близко, последовала команда: «Диверсанты, прячьтесь!» Мы с Адель спрятались в ложбине, поросшей кустарником, куда с трудом, кряхтя, спустились, не больно-то и хотелось хорониться в мокрой траве. Залегли в каком-то болоте. Остальные тоже разбежались, кто за дерево, кто куда. И в это время нас накрыла волна лагерников. Они неслись

с воплями, причём несколько человек промчались чуть ли не по нашим головам, перепрыгивая через нас. Мы слышали там и сям голоса, что этого поймали, того поймали. Нам уже и сидеть-то надоело – думали, скорей бы всё закончилось. Но, к нашему удивлению, несмотря на то, что безумное стадо через нас промчалось, нас не обнаружили. Неожиданно возник Артур, поглядел направо и налево, Адельку в упор не видит. «Аделька, тебе пора сдаваться, – пошутила я, – вряд ли он способен самостоятельно найти своё счастье». Прошёл совсем рядом Роман, скорее всего, заметил нас, но он свой и поэтому не выдал. Людмилины туфли-тапочки появились неожиданно прям перед моим лицом, я уже хотела подняться, однако вожатая сделала вид, что смотрит в другую сторону, – понятно, ей приятно, что мы валяемся в мерзкой грязи, хочет продлить удовольствие. Так мы пролежали больше двадцати минут, пока из мегафона не раздался трескучий голос Людмилы: «Диверсанты, выходите!» Мы вышли – нас оказалось человек семь не пойманных, – вышли, как законопослушные граждане, и тут Людмила объявляет ехидно: «Вы арестованы!» Что за фигня? Не может она без подлостей. «Вы нарушаете конвенцию», – возмутился было Жора, но неожиданно заткнулся, увидев выставленный средний палец Людмилы. И как ей не стыдно, она же вожатая! Мы были условно связаны и условно отконвоированы. Флаг так и остался не найденным – никто из диверсантов так и не вспомнил, где его спрятали.

К этому времени гвардия безумно проголодалась, поэтому все были рады полевой кухне и… о нас моментально забыли. Забыли обо всём. Но «диверсантов» не обделили: принесли чай и кусочки сыра – кстати, нет ничего вкуснее лагерного чая, который готовится в полевых условиях; возле будки начальника лагеря, рядом с выходом, росли кусты малины и смородины, и вожатые никогда не забывали брать с собой веточки для заварки; когда в котле на костре всё это закипало, получался чай, изумительный по аромату.

Все лопали так, что за ушами трещало. Не успели мы дожевать последний кусок, как к нам опять подкрался Жора и шипящим змеиным шёпотом сказал: «Диверсанты, вам устраивается побег». Нас опять забросили в машину. При этом оказалось, что лагерная элита, которой не хотелось переться обратно пешком, заняла большую часть кузова, так что нам, диверсантам, скамеек не хватило и пришлось сидеть буквально друг на дружке. И тут вожатые стали вопить: «Диверсанты удрали, диверсанты удрали!» Но публика на это чихает и продолжает обедать, всем по барабану и никто за машиной не бежит.

Мы едем, едем и вдруг чувствуем, что начинаем задыхаться, – представьте, солнце печёт адски, брезент у машины раскалился, а народу внутри как сельдей в бочке. Сначала крепились, потом кому-то стало плохо, медичка достала чемоданчик с лекарствами, стала искать нашатырный спирт, а потом как закричит: «Режьте брезент!» Пока была суматоха, я смотрю, у неё в чемодане пузырьки с зелёнкой болтаются, – а зелёнка в лагере вещь полезная, – я незаметно прибрала их себе в карман, авось пригодятся.

Нас довезли до боковых ворот. Мы были счастливы, что наконец-то выгрузились, и ничего больше не хотели, никакой «Зарницы». Но нам говорят: счас массы пойдут на штурм, а вы должны защищать ворота. Ну ладно, остались у ворот – ворота двустворчатые, в которые машины проезжают в столовую. И вот с воплями припёрся лагерь, причём ор слышался далеко, за километр. Без ропота и сомненья мы заняли оборону. И когда уже поклялись друг другу биться до последнего – победа или смерть, – толпа равнодушно прошла мимо нас, никто на штурм не пошёл. Зачем, если есть другие ворота? На этом «Зарница» и закончилась. Нам потом завидовали все: мол, вы катались целый день, а мы мотались туда-обратно. Честное слово, сидеть как мокрые курицы в грязном овраге, а потом задыхаться в душегубке грузовика было ничуть не лучше.

* * *

Людмила объявила, что первым делом идём в душ, и отправила нас в палату за банными принадлежностями. Мы уже почти собрались, когда в комнату залетела деловая Тыковка.

– Ася, ты завтра дежурная! – сказала громко, чтобы и мы услышали.

– Я не могу, – встрепенулась та, губы у неё задрожали от волнения. – Завтра ж родительский день, ко мне мама приедет.

– Надо говорить только правду, враньё твоё никому не нужно. У тебя нет мамы.

Тыковка взяла с тумбочки фотографию Асиной мамы, отшвырнула её с презрением, а потом неожиданно вырвала из рук Аси телефон и протянула нам:

– Вы думаете, она все время звонит маме? Посмотрите, она даже номер при этом не набирает.

Тыковка торжествовала и смотрела на нас неуютным взглядом скорпиона, убивающего исподтишка. Первой опомнилась скромная Алсушка. Одним молниеносным движением она стащила простыню с кровати и набросила на Тыкву. Мы повалили «членистоногую» на пол и задали ей баню:

One Two Three Four Five Six Seven
All good children go to heaven…

* * *

Собрались и идём за Людмилой в душевую. Настроение мерзее самого мерзкого. «Дрянь! – думаю. – Рассказала всё Тыковке». Ася бледна, Эдита в эмоциях и плачет, стараясь скрыть слёзы длинными чёрными локонами. Пока идём, незаметно передаю Адель пузырьки с зелёнкой.

– Я отвлеку Людмилу, – шепчу ей, – а ты вольёшь это в её шампунь.

Адель кивает, она понимает с полуслова. Хорошо б, конечно, и синьки добавить, да где её возьмёшь сейчас в лагере?

Раздевшись, заходим в душевую, Людмила мешкает, а когда появляется в дверях, я делаю знак Аделькe и… замираю с глупо вытаращенными глазами, вмиг задохнувшись, как от неожиданного удара: май гяд – вместо угрюмой очкастой мымры в проёме светится, улыбаясь, Людмила, волосы, вечно прибранные назад в лошадиный хвост, распущены и каскадами льются на плечи и грудь, фигурка – вылитая леди Мадонна, и кожа не загоревшая, а природно смуглая, она чертовски эффектна, и я это понимаю.

– Что с тобой, Юля? – подошла ко мне и дотронулась до лба рукой, как это делает мама. – Ты себя хорошо чувствуешь?

– Да… Нет… – теряюсь, не зная что сказать, хотя и понимаю, что надо как-то отвлечь вожатую.

Аделька уже юркнула с шампунем обратно в раздевалку и сейчас колдует над ним. Что ж сказать-то, надо тянуть время. «У вас шикарная тёмная кожа, как у негритянки…» Нет, не пойдёт, это мне нравятся негритоски, а она может обидеться. «У вас чисто модельная фигурка. Зачем же вы одеваетесь так стрёмно?» Не, «стрёмно» тоже не подходит…

– Там… там… – постепенно прихожу в себя, – там дырка в стене (показываю, не глядя, куда-то в сторону), мальчишки подсматривают…

Людмила инстинктивно прикрывается руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.